

Ирина
Волчок

Главный приз

Ирина Волчок
Главный приз

«АСТ»

2010

Волчок И.

Главный приз / И. Волчок — «АСТ», 2010

Отдавая на конкурс дизайнеров свои работы, Юлия мечтала выиграть швейную машинку. А главным призом оказалась путевка в морской круиз. Роскошный теплоход, дорогие развлечения, избранное общество... Зачем все это ей, школьной учительнице, думающей только о детях в интернате, от которых она уехала на целый месяц? Ей не интересно в этом круизе, это избранное общество ей не нужно, эти люди ей чужие. Никто из них, таких богатых, успешных и беззаботных, просто не знает, что есть другая жизнь. Да и не хочет знать. Но один из чужих захотел узнать о ней все, захотел понять ее жизнь и стать частью ее.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ирина Волчок

Главный приз

Глава 1

Конечно, это была чистой воды авантюра. Она с самого начала это чувствовала. И вообще ей совершенно не хотелось уезжать из дому за тридевять земель. Да еще для отдыха. Отдых! За первые же два дня она так измоталась, как за месяц самой напряженной работы. Зря она маму Нину послушалась. Как сейчас было бы здорово тихо-мирно сидеть на кухне, не спеша ковыряться с какой-нибудь интересной тряпочкой и смотреть телевизор. Или поваляться на травке под яблоней, почитать что-нибудь новенькое. А потом забежать на часок к детям, проверить, как они там сегодня... Машка без нее, наверное, скучать будет. Или не будет? Маленькая совсем, скорее всего – не будет скучать. Не успела еще привыкнуть...

Дверь купе дернулась, тихо отъехала на треть проектной мощности, в щель упал чемодан, за ним с размаху влетела небольшая дорожная сумка, сверху шлепнулись два битком набитых полиэтиленовых пакета, и дверь опять тихо закрылась. Интересный у нее сосед будет. Или не будет у нее соседа? Наверное, кто-то таким способом багаж отправляет. Главное – погрузить багаж. А сам как-нибудь по шпалам добежит. Господи, как жарко... Сейчас бы под яблоню.

Дверь опять тихо поползла в сторону. Юлия повернулась и встретилась взглядом с тем самым длинным-стриженым-зубастым. Она уже хотела сказать что-нибудь вроде «чтобы я вас больше не видела», но тут заметила, что этот длинный-стриженный-зубастый и сам удивлен не меньше. Но в отличие от нее – явно обрадован. После первого остоленения он тут же заулыбался, потер ладонью вызывающе короткий ежик волос какого-то неопределенного коричневатого-серого цвета, шагнул через свои вещички и закрыл за собою дверь.

– Последний раз – на перроне, – сказала Юлия, устало прикрывая глаза. – Десять минут назад.

– А... ну да. – Длинный еще больше разулыбался, плюхнулся на полку напротив нее и, облокотившись на стол, положил подбородок на скрещенные руки. – А откуда вы знаете, что я спросить хотел?

– Привыкла, – равнодушно ответила она, без интереса разглядывая попутчика. – В наши последние три встречи вы задавали только один вопрос: «Где я вас видел?»

Он тихо засмеялся, глядя на ее серьезное лицо, откинулся назад и восхищенно щелкнул языком.

– Знаете, у вас удивительная речь. Говорят – «как по-писаному»... Нет, даже не в этом дело. Наверное, это интонация. Вы как будто привыкли, что вас слушают.

Он, улыбаясь, смотрел на нее, она с неподвижным лицом смотрела на него, и он постепенно перестал улыбаться, моргнул и почти обиженно сказал:

– Вы не хотите мне отвечать?

– А вы что-то спросили? – Юлия опять с тоской вспомнила тишину летней деревни, тень под яблоней или, на худой конец, телевизор в прохладной кухне. – Прошу прощения. Я не поняла вопроса.

– «Прошу прощения»... – задумчиво повторил он и удивленно повертел головой. – Я имел в виду... а, ладно. Меня зовут Виктором. А вас?

– Юлия.

Она молча смотрела, как он пытается придумать следующую тему для разговора. Тот. Если молчать достаточно долго, то любое трепло рано или поздно завянет. Ах, травка под яблоней!.. И на кой ей эти путешествия?

В стену купе за спиной Виктора вдруг сильно забарабанили. Он со вздохом поднялся и объяснил:

– Меня зовут. В соседнем купе Катька... э-э... сестра с мужем. Мы все вместе в отпуск собрались.

Он неторопливо запихнул свои сумки-чемоданы на багажную полку, открыл дверь, а уже выходя, оглянулся и вдруг спросил:

– А кто это вас в Москве на поезд провожал?

– Брат мужа, – помолчав, ответила Юлия.

– Я так и знал, – сказал он и вышел, с шумом задвинув дверь.

Она сидела все так же неподвижно, глядя прямо перед собой, и старалась думать о чем-нибудь вроде прохладной кухни, зеленой травки под яблоней, о недочитанной книжке или хотя бы об этом линкоре на колесах – новой Сашкиной машине.

– Ее, гаду, не запаркуешь, – гордо говорил Сашка, втискивая полукилометровое чудище на стоянку возле вокзала и подхватывая чемодан Юлии. – Ты ничего не забыла? Люся список написала, чего ей надо. Я тебе не отдам... Мало ли чего ей надо. Ей всегда чего-нибудь надо... Ничего, скажу – потерял. Ты там поаккуратнее, ага? А то террористов развелось... У тебя сколько денег? Я тебе пару сотен дам... нет, три. Бери-бери, не выпендривайся. Все равно или пропью, или Люська заберет. Ох, забыл! Жратва в машине осталась. Стой здесь, я сейчас, я мигом!

Он поставил ее чемодан у входа в здание вокзала, а сам умчался, не слушая слабых Юлиных возражений. Вот тогда и подошел в первый раз этот длинный. Подошел, минутку напряженно смотрел в ее ожидающее лицо, а потом спросил:

– Вы не знаете, где я вас видел?

– В милиции? – подсказала она, честно вспоминая, не встречались ли они и вправду где-нибудь по работе или так, случайно.

– Почему в милиции? – Он удивленно задрал одну бровь и разулыбался до ушей. – Вы разве милиционер?

– Нет, – равнодушно ответила она. Нигде они не встречались. Так, бамбук московский. За шлюху принял, наверное.

– Тогда почему в милиции? – не отставал он.

– Это я так шучу, – серьезно сказала Юлия. – На самом деле я не помню, чтобы видела вас в милиции.

– А вы что, часто там бываете?

Он улыбался так, будто позировал для рекламного плаката. Правда, отметила она, зубы у него очень хорошие. Сытое детство, режим, витамины. Или дорогой дантист.

– Я там бываю в среднем раз в месяц. Иногда – два-три раза в месяц. Иногда – раз в два-три месяца.

Он с веселым изумлением вглядывался в ее совершенно серьезное лицо, в ее спокойные, даже равнодушные глаза и улыбался.

– По необходимости или по недоразумению?

Ее позабавила формулировка, но ответила она опять без признаков улыбки, даже немного печально:

– Я думаю, что по недоразумению. Но они, как правило, считают, что по необходимости.

Он тихо засмеялся и быстро сказал:

– Через пятнадцать минут я уезжаю. Но через месяц приеду. Вы мне позвоните?

– Обязательно, – серьезно пообещала она, нетерпеливо высматривая Сашку. Где он бродит так долго? Не хватало еще на поезд опоздать.

– Вот. – Длинный-стриженный-зубастый вынул из бумажника визитную карточку и протянул ей. – Только вы обязательно позвоните. Я ждать буду.

– Ладно-ладно, – рассеянно сказала она и тут же увидела бегущего издалека Сашку.

И тут же кто-то выскочил из вокзальных дверей, заорал на ее странного собеседника, вцепился ему в рукав и поволок внутрь здания, причитая, что сейчас они все опоздают. Юлия аккуратно опустила визитную карточку этого улыбчивого психа в стоящую рядом урну, переполненную мусором, и помахала Сашке рукой.

– Ну где ты шляешься? – склочным голосом сказала она. – До отхода поезда меньше пятнадцати минут.

– Ох и вредная ты баба! – с удовольствием отметил Сашка, подхватывая ее чемодан. – И как вы там с матерью вместеживаетесь?

– Приехал бы да посмотрел, – буркнула Юлия, едва успевая за ним.

– И говоришь точно как мать. – Он поставил ее чемодан на перрон и опять метнулся в сторону. – погоди, сейчас я журнал какой-нибудь куплю. А то почти два дня ехать все-таки.

– Да не надо мне никакого журнала! – раздраженно крикнула она ему вслед.

И конечно, не последовало никакой реакции. Сашка – как, впрочем, и все его братики – свято верил, что лучше всех знает, что кому надо или не надо. Она вздохнула и отвернулась. Прямо перед ней стоял этот длинный-стриженный-зубастый. Улыбался. Веселенький псих.

– Так вы не вспомнили, где я вас раньше видел? – вкрадчиво спросил он, глядя ей в глаза веселыми светлыми глазами.

– В кино, – хмуро сказала Юлия.

– Да, возможно... А в каком фильме, не подскажете?

– В документальном. О роли алкогольной интоксикации как мутагенного фактора в развитии необратимых патологий у детей.

Он почти перестал улыбаться и неуверенно моргнул:

– Вы это серьезно?

– Да.

Еще бы не серьезно. Фильм снимали в прошлом году и уже три раза крутили по телику. Вполне можно было ее увидеть – она появлялась в кадре почти на пятнадцать секунд.

– Нет, не видел. – Он с сожалением щелкнул языком и опять заулыбался. – А кого вы там играли?

– Себя.

Он с острым интересом вглядывался в ее лицо, улыбался, а потом сказал:

– Вы мне обязательно позвоните через месяц.

– Конечно. Я помню. – Юлия заметила бегущего с кипой журналов в руках Сашку и с облегчением шагнула ему навстречу, затылком чувствуя взгляд этого длинного. Он вроде бы и не противный, а все равно как-то тревожно, когда вот так привязываются. Хорошо хоть, что она сейчас уедет отсюда.

– Вот. – Сашка сунул ей в руки полпуда макулатуры, подхватил чемодан и размашисто зашагал вдоль поезда. – Где тут у них эсвэшечка? Вот она у них где... Так, билет вот, документы твои вот, конверты вот, деньги вот... Стой, дай-ка я тебе еще сотенку баксов дам, а? Молчи, ты ничего не понимаешь, там в самый неожиданный момент может понадобиться, а я все равно пропью... На, держи, прячь все как следует. И не выпускай сумку из рук. Знаю я, кто в этих эсвэ ездит. Смотришь – такой весь из себя крутой, а рука так в чужом кармане и живет...

– Тише ты! – шикнула Юлия, оглядываясь на людей, толпящихся в коридоре вагона. – Чего разорался? Трепло. Людей бы постеснялся.

– Да ла-а-адна тебе! – Сашка удачно скопировал интонацию одного из своих охранников. – Люди про меня то же самое думают, но не решаются вслух сказать. Ну, вот твое место. Пойдем на воздух, терпеть не могу эти поезда.

Он поставил чемодан под полку, прихватил ее сумочку и опять со страшной скоростью понесся впереди нее к тамбуру. Юлия вздохнула, бросила на столик десяток журналов, кото-

рые никогда в жизни не прочтет, и направилась следом. Надо забрать у него сумку и тут же прогнать, а то он еще чего-нибудь поскочит покупать ей в дорогу. Сашка хороший, но в больших дозах вызывает головокружение.

Она шагнула из вагона на перрон, отыскивая его взглядом, но увидела, конечно, этого длинного. Он стоял метрах в пяти от нее, в группе шумных, веселых, нарядных людей, улыбался и смотрел на нее. И конечно же сразу оторвался от своей компании, пошел к ней, остановился в шаге и очень серьезно заявил:

– Все-таки я вас где-то раньше видел. Это абсолютно точно. Но где?

«Наверное, он едет этим же поездом. Вот ведь... Ну, ничего, если не выходить из купе – можно за всю дорогу ни разу не встретиться».

– Я не знаю, – отозвалась она устало. – Честное слово, я не знаю, где вы меня видели раньше. Если бы знала, обязательно сказала бы. Я ни в коем случае не стала бы скрывать этого от вас. Клянусь.

Он тихо засмеялся, жмурясь и мотая головой точно так же, как это делал старый интернетский кот Челленджер, когда ему перепало что-нибудь вкусненькое. Нет, решила Юлия, совсем не противный псих. Даже вполне симпатичный псих, только вот где-то ее видел.

– Юль! – Сашка подлетел, нагруженный еще какими-то пакетами. – Я тебе орешков нашел. Соленых, с сахаром и с шоколадом. Держи сумку. Осторожней... Держи орехи. Иди в вагон. Иди, иди, нечего тут... Это еще кто такой?

Он смотрел через ее голову, и Юлия невольно оглянулась, ожидая увидеть рекламную улыбку Того, Кто Ее Где-то Видел. Но тот уже шел к своей компании неторопливой, даже ленивой походкой, засунув одну руку в карман, а другой поглаживая коротко остриженную макушку.

– Он меня где-то видел, – объяснила она Сашке. – А где – не помнит.

– Во сне. – Сашка насмешливо фыркнул и подтолкнул ее к вагону. – Иди, я ждать не буду. Терпеть не могу ждать. Счастливо. Приедешь – и прямо к нам, да?

Он обхватил ее за плечи своими огромными, как лопаты, ладонями, наклонился, поцеловал в нос и отступил, с удовольствием глядя на нее с высоты своего двухметрового роста.

– Хороша – слов нет... Одни выражения. Ну все, пока!

Сашка повернулся и стремительно зашагал прочь, а Юлия смотрела ему вслед с привычно ноющим сердцем. Димка и Сашка были близнецами. Наверное, у Димки сейчас тоже были бы морщины и седина на висках...

В коридоре загалдели, зашпорили, дверь купе рывком отъехала в сторону, и на пороге остановилась сердитая красивая блондинка лет тридцати. Постояла, воинственно глядя на Юлию, глубоко вздохнула, сменила сердитое выражение лица на вежливую улыбку и сказала глубоким красивым голосом с неуловимым акцентом:

– Я к вам перехожу, если вы не против. – Она шагнула вперед, села напротив Юлии и вопросительно подняла брови. – Простите, мы с вами нигде раньше не встречались?

От двери послышался тихий знакомый смех, и Юлия, оглянувшись, увидела Виктора с дорожной сумкой в руках. Конечно, это и есть его сестра. Это у них фамильное – не помнить, где они раньше с ней встречались.

– Это моя сестра Катерина. – Виктор бросил сумку на полку и сел рядом с сестрой. – Она поссорилась с мужем и ушла от него. Я думаю, до утра. А может быть, даже до конца пути. Мы с ней местами поменялись. Вы не возражаете?

– Нет. – Юлия смотрела на блондинку изучающе. – Я рада.

У Виктора дрогнула бровь, и уголки губ обиженно поползли вниз.

– Это почему же вы рады? Между прочим, Катерина – далеко не подарок. Радоваться абсолютно нечему.

– Есть чему, – Юлия перевела взгляд на него, – когда так жарко.

– Не просекаю логики. – Виктор глянул на сестру. – А ты?

– Иди к нему, – сказала та сердито. – А то еще решит, что мы заодно. И не напивайтесь там.

Виктор театрально вздохнул, поднялся, стянул сверху один из своих пакетов и ушел.

Катерина сидела молча, хмурилась, кусала губы, смотрела невидящими глазами и вдруг сказала:

– Жарко, и поэтому ты рада, что соседка я. Можно спать раздетой. Правильно?

– Да. – Юлия впервые за эти суматошные дни улыбнулась. – Вы психолог.

– Точнее – психиатр. – Катерина тоже улыбнулась и полезла в дорожную сумку. – И не надо на «вы», пожалуйста. Не такая уж я старая. Тебе сколько?

– Двадцать восемь через неделю.

– Ни хрена себе! – удивилась Катерина, оторвалась от своей сумки и обиженно уставилась на Юлию. – Я думала, лет двадцать. Ну, двадцать два... А мне в мае двадцать семь стукнуло. Можно поверить?

– Ты прекрасно выглядишь, – искренне сказала Юлия.

– Косметику сниму – тогда посмотрим, что скажешь.

Катерина с размаху шлепнула на стол объемистую кожаную косметичку и стала вытаскивать из нее какие-то баночки, бутылочки, салфеточки, тюбики.

– С такой жизнью будешь тут выглядеть, – сердито приговаривала она, с остервенением драя лицо тампоном, смоченным жидким кремом. – С такой жизнью надо миллионы в косметику вбухать, чтобы еще хоть как-то выглядеть... – Она на секунду оторвалась от своего занятия, уставилась на Юлию, ожидая вопроса, не дождалась и заговорила дальше: – Мужик меня когда-нибудь доведет. Ничего доверить нельзя. Ну ни-че-го нельзя доверить! Сто раз напомнила: возьми камеру. Сейчас спрашиваю: взял? Говорит: не знаю, наверное, в сумке поищи. Я говорю: что значит – не знаю? Что значит – не знаю, если я сто раз напоминала! А он говорит: что ж ты сама не взяла? Нет, ты представляешь?! А почему это, интересно, я должна обо всем думать? – Она замерла, прислушиваясь, и раздраженно скомкала бумажную салфетку, которой только что собиралась вытереть лицо. – Уже ржут. Представляешь? Плевать им на нас.

Юлия слышала только громкий басовитый хохот в соседнем купе. Совершенно не похожий на тихий смех Виктора.

– Плевать им на нас, – со злостью повторила Катерина и вдруг звонко захохотала, откинувшись назад и прислонившись затылком к стенке купе. Замолчала, прислушалась к тишине у соседей и подмигнула Юлии: – То-то. Сейчас припрутся. Губы, что ли, опять накрасить?

– Ты и без косметики красивая, – искренне сказала Юлия. – И нечего их баловать. Пусть не думают, что ради них губы красят.

– Точно. – Катерина решительно побросала в косметичку свои баночки-бутылочки и резко встала. – Пойду умоюсь. Придут – а меня нет. Пусть не думают, что их здесь ждут. Ты тоже психолог, да?

– Нет, – отозвалась Юлия. – Я сельская учительница.

Катерина недоверчиво глянула на нее, засмеялась, хотела что-то сказать, но не сказала и ушла. Через минуту в дверь постучали. Ага, муж Катерины мириться пришел. А ее нет. Пусть не думает, что его здесь ждали. Э-э-эх, мне бы ваши заботы...

– Чайку не желаете? – В дверях стояла проводница. Молоденькая, хорошенькая, с великолепной прической и в великолепной униформе. Такая приветливая-приветливая. Ишь, какие проводники нынче работают.

– Желаем. – Юлия сняла со стола журналы, бросила их на полку и поднялась навстречу проводнице, чтобы взять с подноса два стакана.

– Ничего-ничего, вы не беспокойтесь, я сама. – Девушка ласково улыбнулась, устанавливая поднос на столе. – Мне не тяжело, да и привыкла я уже. Печенье брать будете? У меня московское есть, очень свежее.

Нет, точно, новая порода проводников вывелась. Или она просто прежних не помнит? Сколько лет никуда не ездила на поезде.

– Вы второй стакан для соседа взяли, да? – Девушка вынула из коробки два пакетика сахара и заговорщически улыбнулась Юлии. – Мужчины, как правило, очень сладкий любят.

– У меня теперь соседка, – сказала Юлия. – Сосед с сестрой местами поменялся.

– Правда? Как жалко, да?

– Почему жалко? – удивилась Юлия. – Мне его сестра понравилась.

– Правда? А мне он.

От дверей донесся знакомый тихий вкрадчивый смех, и проводница вспыхнула до корней волос, чуть не уронив поднос со стаканами.

– А почему это я вам не понравился? – Виктор посторонился, выпуская проводницу, шагнул в купе, сел напротив Юлии и уцепился за стакан с чаем.

– Вы мне понравились, – спокойно сказала Юлия, встречая взгляд веселых светлых глаз. Серые, что ли? Вроде серые. Но с зеленоватым оттенком и желтоватыми крапинками. – Но женщина как попутчица удобнее. Я чай для Катерины взяла.

– Катерина простит. – Он задумчиво вертел стакан в подстаканнике, не отрывая от нее глаз. – Так я вам все-таки понравился? Интересно – а чем?

– У вас волосы красивые.

Он опять засмеялся, показывая великолепные зубы, потер ладонью стриженую макушку и вдруг спросил:

– Вы мою визитку не выбросили?

– Выбросила, – призналась Юлия с неожиданным чувством вины.

– Я так и знал. – Он поставил стакан на столик, нахмурился и довольно резко спросил:

– А вы вообще никогда не смеетесь?

– Я... смеюсь, наверное...

Юлия вдруг поняла, что не помнит, когда и по какому поводу смеялась в последний раз. Ну и ну! Впрочем, ему-то какое дело?

– Ты чего приперся? – Катерина влетела в купе, будто за ней гнались. – Что, зовет уже?

– Нет, конечно. – Виктор поднялся, уступив сестре место у окна, и встал в дверях, засунув одну руку в карман и поглаживая ладонью другой макушку. – Звать не зовет. Но ждет, страдает и любит.

– Знаем мы вас, – буркнула Катерина довольным голосом. – Ты иди, не надо его одного оставлять. Иди, иди. В синем пакете сыр, печенье и яблоки. Пить не давай. Пусть чай пьет.

– Кобра ты, Катька, – сказал Виктор, улыбаясь до ушей, и ушел, тихо притворив дверь.

– Ага. А вы все ангелы, – саркастически заметила Катерина, обращаясь к закрытой двери. – Юль, ты сладкое любишь? У меня «Наполеон» домашний. Будешь?

– Да. – Юлия вытряхнула из сумки пакетики с орехами. – А у меня вот что.

И они принялись пить чай с домашним «Наполеоном» и орехами в шоколаде, беседуя о глупости, безответственности и вопиющей бесполезности мужчин вообще и мужей в частности. Собеседницы явно нравились друг другу: Юлия нравилась Катерине тем, что ни разу не перебила ее ни неуместным вопросом, ни еще более неуместным примером из личной жизни, а Катерина Юлии тем, что говорила без пауз, совершенно не требуя ответов, и не задавала никаких вопросов, на которые Юлии не хотелось отвечать.

– Смотри ты, как поздно уже, – удивилась Катерина, наконец выговорившись. – Ты еще не спишь, нет? Я даже как-то не заметила, когда ты улеглась. Ну ладно, я тоже сейчас лягу... А ты-то замужем?

– Я вдова, – помолчав, сказала Юлия.

– Ну-у?! – Катерина замерла, перестав возиться с постелью, оглянулась через плечо, глядя испуганно и почти недоверчиво. – Ты меня извини... Я и подумать не могла...

В стенку тихо постучали.

– Зовут, – злорадно сказала Катерина, мгновенно забыв обо всем другом. – Пойду гляну, что там и как. Ты спи, я там посижу немного. Я тихо вернусь, постараюсь не разбудить. Свет погасить?

– Да, – отозвалась Юлия, закрывая глаза.

Правда, как спать хочется. Все-таки она сильно набегалась за последние дни. И будет спать крепко-крепко.

И может быть, ей сегодня ничего не приснится.

Она проснулась оттого, что кто-то плакал. Не сразу поняла, где она и почему ее постель стучит и вздрагивает. И запахи какие-то чужие... Потом вспомнила – поезд. Наверное, плачет соседка, которая поссорилась с мужем. Надо же, какая глупая. Такая красивая, благополучная, счастливая дура. И чего ей плакать? Юлия прислушалась – тихо. Никто не плачет. Показалось, наверное. А может быть, она сама плакала во сне, когда увидела этот взрыв, а потом услышала этот дикий крик хором и почувствовала, что летит по воздуху, и падает на спину, и, перед тем как отключиться, успевает увидеть, что прямо на нее странно медленно, как газетный лист, опускается кусок дымящегося железа. Тогда, наяву, она не плакала – не успела. А во сне всегда на этом месте плачет.

Глава 2

Они с девками сидели на вершине огромного стога сена и курили. В смысле – девки курили, а Юлька следила, чтобы они сено не подожгли. Сидели, травили анекдоты, никого не трогали...

– Та-а-ак! – гроыхнул рядом бас со зловещей интонацией. – Вот, значит, кто тут поджигатель... Та-а-ак. Ох, как я сейчас кого-то выпорю!..

Девки дуэтом тихо пискнули и посыпались со стога, торопливо гася бычки в бумажных кулечках. Юлька вскочила, вертя головой в поисках источника зловещего баса, хотела кинуться за подружками, но поскользнулась и полетела вниз прямо в объятия двухметрового амбала в серых джинсах, линялой голубой футболке и грубых рыжих сапогах. Амбал поймал ее огромными, как лопаты, руками и даже не покачнулся, приняв на грудь летящие в свободном падении ее сорок семь килограммов. Правда, с чего бы ему качаться от таких пустяков? У него шея толще, чем ее талия, отметила Юлька. Амбал крепко прижимал ее к себе, обхватив за спину, глаза ее были на уровне его гладкого смуглого подбородка с ямочкой, а ноги не касались земли. Да что там земли! Ее ноги, кажется, не доставали до его коленей.

– Ты что, всю жизнь вот так на меня сваливаться будешь? – поинтересовался амбал, не выпуская Юльку из рук и пристально разглядывая ее лицо яркими светло-кариими глазами.

И Юлька тут же его узнала. Это он поймал ее в прошлом году в спортзале, когда она свалилась с каната. Только тогда он был в классном темно-сером костюме, белоснежной сорочке и бордовом галстуке. Совершенно непонятно, зачем его занесло в спортзал, – наверное, чтобы ее поймать. Потому что сразу после этого он подошел к одному из группы стариков, поговорил с ним минутку и ушел. Девчонки потом говорили, что этот амбал в их университете учился, а потом в аспирантуре в Москве, кандидатскую защитил не то на экономическую тему, не то на сельскохозяйственную. Юльке эти темы были неинтересны, поэтому она особого внимания не обратила, да и вообще про амбала скоро забыла. А он – вот он.

– А, вспомнила, – с удовлетворением сказал амбал, все еще прижимая ее к себе. – Ты зачем куришь?

– Я не курю! – возмутилась Юлька. – Я ответственная за противопожарную безопасность.

Он наклонился, пригнувшись, и вдруг легко коснулся твердыми теплыми губами ее приоткрытых от изумления губ. Поднял голову, задумчиво глядя ей в глаза, и строго спросил:

– Ты за меня замуж пойдешь?

– А тебя как зовут? – Юлька вдруг поняла, что буквально висит у него на шее, обхватив ее руками. И это ее ни капельки не смущает.

– Между прочим, могла бы и сама знать. – Он опять чуть-чуть поцеловал ее и печально вздохнул. – Я-то о тебе все знаю... Меня зовут Дмитрий Июль.

– Дмитрий Июль... Юлия Июль... Здорово! – Юлька засмеялась, и он засмеялся мягким басом. – Я пойду за тебя замуж... Может, ты меня теперь отпустишь? Девки ржут.

– Вот теперь-то как раз я тебя ни за что не отпущу, – решительно заявил Дмитрий Июль. – Сейчас мы пойдем знакомить тебя со свекровью. – Легко подбросил ее, посадил на согнутую руку, как ребенка, и оглянулся на выглядывающих из-за стога и хихикающих Светку и Аньку: – Поджигатели! За мной! Торжественный обед в честь помолвки.

Он повернулся и пошел, так и неся ее на одной руке, а Светка с Анькой шли следом, перешептываясь и хихикая. А Юльке ни капельки не было стыдно. Наоборот – в ней поднималась какая-то веселая гордость, какая-то необъяснимая, но очень приятная уверенность в правильности и неизбежности всего происходящего. И она ничему не удивлялась.

Только перед домом немножко удивилась:

– Нам сюда? Здесь ведь директор фирмы живет!

– Ну да, – спокойно согласился Дмитрий. – Я – директор фирмы. Ты и этого не знаешь? Ну и ну... А замуж согласилась. А если бы я конюхом был?

– Я лошадей люблю. – Юлька наклонилась и поцеловала его в висок. – К тому же кандидат наук – конюх – это даже интереснее, чем директор агрофирмы.

Он засмеялся, на секунду крепко прижал Юльку к себе, уткнувшись лицом в ее плечо, и сказал торжествующе:

– Ага, значит, кое-что ты обо мне все-таки знаешь!

И вошел в дом с нею на руках.

– Что это ты все в дом тащишь? – Будущая свекровь была маленькая, худенькая и язвительная. – Это кто тебя учил все подряд в дом тащить?

Светка с Анькой затоптались на месте, застряв на пороге, даже вроде попятнулись, готовые смыться в любой момент. Как ни странно, Юлька ни капельки не испугалась, и не смутилась, и не обиделась – сидела себе на согнутой руке Дмитрия, обнимала его и с интересом смотрела в острые насмешливые глаза маленькой женщины.

– Знакомься, ма. – Дмитрий поставил Юльку на ноги и слегка подтолкнул вперед. – Это моя невеста. Зовут Юлькой. Юлька, это моя мать. Нина Петровна. Ма! Это подружки невесты. Как звать, не знаю. Все хотят есть. Покормишь?

– Руки мойте, – машинально приказала Нина Петровна, критически разглядывая Юльку с ног до головы. – Ишь ты, невеста... И где ж ты ее нашел?

– В стогу сена. – Дмитрий смешливо подмигнул Юльке и повел растерявшихся девок мыть руки.

– И откуда ж ты взялась такая? – чуть мягче спросила Нина Петровна. Подошла к Юльке и подняла ладонью ее косу.

– Из Воронежа. – Юлька чуть повернула и наклонила голову, чтобы мама Дмитрия ощутила весь вес ее роскошных волос.

– Школу-то кончила? – Нина Петровна слегка дернула ее за косу и улыбнулась.

– Давно уже, – гордо сказала Юлька. – Я второй курс уже закончила. Иняза. Мы здесь на летней практике. В интернате.

– Так тебе сколько лет-то?

– Восемнадцать... Скоро. Через неделю.

Юлька вдруг вспомнила, что ей еще нет восемнадцати, и расстроилась. Как же это она замуж собралась? Это еще ждать, когда восемнадцать стукнет, потом только можно заявление в ЗАГС подавать, потом еще ждать сколько-то месяцев... За это время Дмитрий Июль сто раз раздумает на ней жениться.

– Ах ты, Митька, паразит! – неожиданно закричала Нина Петровна и кинулась туда, где в глубине дома галдели Светка с Аней и неразборчиво гудел голос Дмитрия. – Ах ты, недоумок, орясина, пес позорный! Я тебе сейчас все уши пообрываю, паразит, паразит, паразит!

Юлька удивилась, но опять ни капельки не испугалась, а пошла за мамой Дмитрия, гадая, за что она на него ругается, и представляя, как это ей удастся пообрывать Дмитрию все уши: Нина Петровна была такая маленькая, что даже Юлька рядом с ней чувствовала себя вполне нормальным человеком.

Вслед за Ниной Петровной она вошла в просторную и очень нарядную кухню и стала с интересом смотреть, как двухметровый Дмитрий Июль бежит вокруг стола от своей крошечной мамы, уворачиваясь от мокрого полотенца в ее руке.

– Ты хоть знаешь, что она даже несовершеннолетняя, паразит ты такой?! – кричала Нина Петровна, пытаясь достать сына полотенцем через стол. – Ты хоть знаешь, кобель проклятый, что ей только через неделю восемнадцать будет?

Девки жались в углу и таращили глаза. Юлька вдруг засмеялась, представив, что будет, если Дмитрий сейчас остановится, – ведь мать с разбегу просто ушибется об него, как о каменный утес.

Будто услышав ее мысли, Дмитрий остановился, повернулся к матери и осторожно поймал ее в свои могучие объятия.

– Ну и что? – с недоумением спросил он, закрываясь ладонью от мокрого полотенца, крутящегося перед его носом. – Ну, через неделю – восемнадцать, еще через два дня – свадьба. Пока погода стоит. Ты чего так расстроилась, ма? Небось, успеем приготовить. За неделю мы десять свадеб успеем приготовить. Юль, ты как, согласна через неделю замуж выходить?

– Я согласна, – решительно сказала Юлька. – Чем быстрее – тем лучше. А то вдруг ты раздумаешь еще... А нас распишут так быстро? Там ведь ждать сколько-то нужно.

– Вот еще. – Дмитрий отобрал полотенце у матери, вытер застеленный пластиковой скатертью стол и принялся привычно хозяйничать, расставляя посуду, нарезаая хлеб, вынимая из холодильника какие-то банки и бутылки. – В сельсовете распишемся. Одним днем. Ты как, не против, Юль?

– Я не против. А у матери истерика будет. – Юлька села на жесткий диванчик рядом с Ниной Петровной, взяла ее за руку и с любопытством заглянула ей в лицо. – Я вам не понравилась, да? Дмитрий моей матери тоже не понравится, наверное. Но что она ему не понравится – это уж совершенно точно.

– А я тебе, выходит, нравлюсь? Так тебя понимать? – воинственно вздернула подбородок Нина Петровна и вдруг крепко вцепилась в Юлькины пальцы.

– Да, – серьезно сказала Юлька и сжала твердую сухую ладошку своими ладонями. – За такой свекровью – как за каменной стеной. Если он меня обижать начнет – кто еще меня защитит? С ним же даже весь трудовой коллектив вряд ли справится. Только на вас вся надежда.

Первой засмеялась Нина Петровна, потом захохотали девки, потом все заглушил радостный басовитый смех Дмитрия, а потом, когда все уgomонились, Светка растерянно спросила:

– Так я не поняла – ты что же, и в самом деле замуж за него выйдешь?

– А как же, – деловито ответила Юлька, выбирая малосольный огурчик. – Что ж, по-твоему, мне старой девой век вековать?

И совершенно не поняла, почему тут же все опять просто зашлись от хохота.

Зато дома у нее никаким весельем даже и не пахло. Папа-то, похоже, был не слишком против... А если и был против, то держал свои протесты при себе, и даже мать пытался успокоить – впрочем, как всегда, без малейшего успеха.

– Ты что, идиотка? – кричала мать в полный голос, тряся сжатыми кулаками перед Юлькиным носом. – За какой замуж тебя несет, подумай своей головой! На кой черт тебе это сельпо вонючее, эта деревня неумытая, это быдло пьяное?! Ты что, всю свою жизнь угробить хочешь, дура безмозглая?!

– Дура безмозглая! – таякала четырнадцатилетняя Валерия с удивительно похожей на материнскую интонацией. – Быдло! Сельпо!

– Все сказали? – Юлька вклинилась в нечаянную паузу и спешила высказаться сама, пока опять не заорали. – Ну, тогда я пошла. Меня Дима во дворе ждет. Раз вы так против него настроены, я его сюда звать не буду. Да и на свадьбе мы без вас обойдемся...

Первой к окну сунулась Лерка, прилипла носом к стеклу, изумленно разинув рот, а потом таким голосом позвала мать, что та не закончила очередную гневную тираду, подошла к окну и тоже застыла, открыв рот очень похоже на Лерку.

Юлька и отец переглянулись, улыбнулись одинаковыми понимающими, слегка презрительными улыбками, и Юлька сказала так, чтобы мать не слышала:

– Спорим, сейчас скажет: «В гости пригласи»...

– Но ведь надо было человека в гости пригласить, – обернулась от окна мать с крайне обиженным выражением лица. – Надо было с родителями познакомиться! Ну кто так делает? Какая ты странная, Юлия, я удивляюсь... Разве я тебя этому учила?

А потом все пошло как по маслу: ах, ах, очень приятно, такой молодой – и уже директор, такой красивый – и не артист, такой большой – и не боксер, такой кандидат наук – и не преподаватель в университете... И прошу к столу, и где же вы с Юлечкой познакомились, и зачем же торопиться со свадьбой, и как же у вас с жилплощадью...

Папе Димка понравился. И Димке – папа. Может быть, потому, что оба они были большие, красивые и спокойно-веселые. Они, кажется, в ту первую встречу между собой и не говорили особо ни о чем, а заметно было, что друг другу понравились. Папа, правда, тоже сказал, что рановато Юльке замуж выходить. Димка тут же согласился: да, мол, хорошо бы на пару годиков постарше была... А ждать страшно – вдруг какой казак лихой прямо из-под носа уведет?

– Что я – телка, чтобы меня уводить? – обиделась Юлька, но папа и Димка посмотрели на нее с одинаковым выражением – будто знали что-то, чего она знать не могла.

В общем, первое знакомство с родителями они пережили. Правда, потом еще несколько раз мать устраивала ей большие образцово-показательные концерты на тему «Для того ли тебя воспитывали», еще пару раз пришлось выдержать довольно унижительные допросы на тему «А давно ли ты беременна?», но все это было уже затухающими сполохами уходящей грозы. Подумаешь, гроза! Мы их уже столько повидали...

Отец ее сильно удивил. Все время ободрял, одобрял, поддерживал, а за пару дней до свадьбы вдруг спросил:

– Юлька, а ты его любишь?

– А как же? – изумилась она. – Ты, пап, даешь! Он самый красивый, самый сильный, самый умный, самый... и вообще директор агрофирмы. И он меня очень любит, даже тетя Нина мне говорила, а она знает.

– Понятно, – сказал отец. – Но у вас в деревне не будет твоих подружек, и никто не увидит, что он самый-самый...

– Они и так уже все видели. – Юлька, заметив улыбку отца, смешалась, смутно подозревая, что сказала что-то не то, и перешла в наступление: – Пап! Ты что, тоже против Димки?

– Вот уж я как раз не против. – Отец смотрел в потолок, и лицо у него было как будто немного отчужденное. – Я вообще не представляю человека, который был бы против твоего Димки. Н-да... Ну ладно, проживем – увидим.

И все шло хорошо. И все шло мимо Юльки, само собой, по шучьему велению, – какие-то приготовления, и белое платье, и обстановка для комнаты молодых, и упаковка Юлькиного приданого – надо же, у нее, оказывается, приданое было, а она и не знала, – и приглашение на свадьбу всех-всех-всех родных, друзей и знакомых... И конечно, приехали все Июли. Братья были поразительно похожи друг на друга – все огромные, широкие, с пышными темно-каштановыми кудрями и светло-кариими глазами, все румяные, загорелые и энергичные, и даже голоса у них были абсолютно одинаковые – низкие, мягкие, как будто чуть сонные... Но старших – Володю и Славика – еще можно было как-то отличить. А Сашка был полной, абсолютной, немислимой копией Димки, и Юлька расстроилась. Она-то думала, что Димка – один в мире такой. А тут вон близнец какой-то объявился... Поэтому сначала Сашка ей не понравился.

– Смешно, – заметил Димка задумчиво, понаблюдав за ее реакцией. – Мы ведь как две капли воды. Но за одного ты замуж выходишь, а другого терпеть не можешь. Почему?

– Я могу его терпеть, – объяснила Юлька. – Только почему он все время тебе подражает? Даже ходит так же...

– Может, это я ему подражаю? – Димка посадил ее себе на колени, откинул голову и испытующе смотрел ей в лицо с легкой непонятной улыбкой. – Все-таки он – старше. Почти на двадцать минут.

– Глупости. – Юлька сидела на его колене, как на толстом бревне, откинувшись на обнимающую ее могучую руку, и наматывала на палец крутой завиток пышной Димкиной гривы. – Ничего он не старше. Я совершенно уверена, что вас в первую же минуту перепутали. Старший, конечно, ты. Это же просто невооруженным глазом видно! Во-первых, ты больше, и сильнее, и умнее, и серьезнее, и образованнее, и... Ты чего смеешься?

– Юлька, и что это мне так повезло? – Он уткнулся лицом в ее ладонь и щекотал ее губами.

– Это, может быть, вовсе не везение, – рассудительно сказала она. – Может быть, ты стал таким потому, что старался. Ну... спортом занимался. И учился хорошо. И работал как вол. И не куришь... Вот и получился такой, как есть. При чем тут везение?

– Да я же не о себе... Я о тебе! – Он смотрел на нее откровенно восхищенным, радостным взглядом. – Это с тобой мне повезло! Понимаешь?

– Конечно, – важно согласилась Юлька. – Еще бы. Я молодая, довольно привлекательная, почти образованная... Папа – полковник. Спортсменка. Отличница. Не курю. Характер нордический. И даже, оказывается, приданое у меня есть. Конечно, тебе повезло. Могло быть гораздо хуже.

– Господи, как я тебя люблю, – растерянно пробормотал он, а потом принялся осторожно целовать ее и гладить твердыми шершавыми пальцами ее щеки, и нос, и веки, и губы, и руки, и даже голые загорелые коленки...

Юльке это ужасно нравилось, чего уж там... Она почти не стеснялась его осторожных ласк, а если что – так всегда можно закрыть глаза. Она сидела на его колене, зажмурившись, подняв лицо вверх, и морщила нос, слегка фыркая, когда от его прикосновений становилось щекотно. Дмитрий вдруг наклонился, прижался лицом к ее коленям, и она испуганно ахнула, вцепилась ему в волосы, пытаясь оттолкнуть. Он поднял голову и засмеялся, глядя в ее растерянные глаза, и тогда она тоже засмеялась, прогоняя впервые пришедшую ей в голову мысль: а ведь они будут вместе спать, и Димка увидит ее раздетой... Стыд-то какой! Хотя все женятся – и ничего. Наверное, привыкают постепенно. К тому же, раздеваясь, можно попросить, чтобы он отвернулся, пока она не влезет в ночнушку. Новая ночнушка у нее очень красивая. И свадебное платье очень красивое. И белые туфли на ужасно высоких каблуках. И вышитая белыми розочками огромная, как парашют, фата из тончайшего прозрачного крепдешина. Юлька отвлеклась от смущающих ее мыслей и стала с удовольствием представлять, как будет выглядеть в день свадьбы. Девки, конечно, просто умрут. Димка, наверное, тоже обалдеет...

Девки, конечно, просто умерли. И даже неоднократно. Они умирали на протяжении всего процесса одевания невесты, от белых кружевных колготок вплоть до водружения фаты на туго закрученную в узел на затылке косу. Они так откровенно умирали, что Юлька послушалась приказа не выходить из комнаты до отъезда в сельсовет и пошла в комнату тети Нины, где было зеркало в полный рост – в старом шифоньере. Она долго растерянно рассматривала себя в этом зеркале и вдруг расстроилась. Нет, все было очень хорошо, и не такая она дура, чтобы не понимать, что и сама по себе очень даже ничего, а в этом платье с пышной, как кринолин, юбкой, с узеньким лифом, расшитым белым шелком, с открытыми загорелыми руками и плечами, в этом необъятном облаке почти прозрачной фаты она не просто очень даже ничего, а, может быть, гораздо больше... Но вот только это была не она. Не совсем она. Такой Юлька себя не представляла... Конечно, в восемнадцать лет можно выглядеть молодо, но не до такой же степени! Слишком румяное детское лицо, слишком пухлые губы, слишком тонкая талия, слишком круглые глаза... Даже то, что ее вечно растрепанная коса была уложена в очень строгую, очень взрослую прическу, не помогало. В роскошный свадебный наряд была упакована

девочка-подросток. Юлька представила рядом с собой большого, солидного тридцатилетнего Дмитрия и попробовала придать собственному лицу выражение хоть какой-нибудь умудренности жизнью. Выражение получалось не очень убедительным. Как это она раньше не замечала, что у нее морда такая дурацкая? Ну что ж теперь делать... О! Губы надо накрасить, вот что сделать надо.

Димка пришел за ней как раз тогда, когда Светка красила ей губы своей помадой, а Аня держала наготове тушь для ресниц. Димка вынул носовой платок, осторожно стер помаду и тихо сказал, чуть улыбаясь:

– Пообещай, что выполнишь...

– Ладно. А что?

Это была их игра: «Пообещай» – «Конечно. А что?» – «То или это».

– Никогда не красить губы.

– Не буду, – легко пообещала она. – А почему? Ведь красиво же!

– А целоваться с намазанными губами как? – Он наклонился, крепко поцеловал ее и озабоченно потер рукой собственный рот. – Вот как бы я сейчас выглядел, если бы у тебя губы намазаны были? Страшно представить.

– Страшно представить, – с готовностью согласилась Юлька. – Я никогда не буду красить губы. Ни в жисть! Клянусь. А ты мне тоже пообещай...

– Обещаю. Что?

– Что будешь носить меня на руках... Особенно когда туфли так жмут.

Он засмеялся, подхватил ее на руки и торжественно сказал:

– Обещаю! Буду носить тебя на руках всю жизнь. Клянусь!

И так и не выпустил ее из рук, к бурному негодованию гостей сорвав обряд выкупа невесты и нарушив еще дюжину каких-то традиций. Донес ее до своей директорской «Волги», усадил на заднее сиденье, сам устроился рядом и скомандовал Павлу Игнашину, который был его свидетелем, а сегодня заодно и водителем:

– Гони.

И машина рванула с места с такой скоростью, будто до сельсовета было не четыре километра, а по крайней мере сто. Юлька оглянулась и через облако фаты успела заметить, как во вторую «Волгу» торопливо садится ее свидетельница Аня, как тетя Нина крестит их вслед и как мать машет руками и разевает рот. Опять кричит, наверное.

У сельсовета они минут десять ждали, когда подъедут все остальные, и Димка все время держал ее на руках, а Павел все время фотографировал их, а сельсоветовские бабы все время болтали глупости и хихикали. А потом с истошным воем клаксонов подъехали все пять машин с гостями и родней, и Димка понес ее в небольшое и неновое здание сельсовета выходить замуж. Юлька успела заметить, как мать раздраженно и презрительно окинула взглядом этот дворец бракосочетания, и испугалась, что сейчас опять будет лекция на тему «для-того-ли-тебя-растили», но мать промолчала и даже заулыбалась, когда Павел нацелился на нее объективом.

Димка поставил Юльку на ноги только тогда, когда надо было расписаться в какой-то толстой книге и выпить по бокалу шампанского, а потом опять поднял и понес к машине. Усадил, махнул рукой Павлу, и тот, торопливо сунув фотоаппарат кому-то, сел за руль и опять так рванул с места, что они уже не слышали поднявшегося у сельсовета возмущенного крика: опять они какие-то традиции нарушили.

– Чего хоть они все время кричат? – удивилась Юлька.

– Потому что мы смылись, – объяснил Дмитрий. – Надо было еще каравай кусать, бревно пилить, танцевать... Глупости всякие.

– Правда, глупости, – согласилась Юлька. – Танцевать! Да я в этих туфлях стоять-то – и то с трудом могу. Жмут, заразы. А каравай – это бы хорошо. Страсть как есть хочется.

– Сейчас приедем и поедем, – пообещал Дмитрий. – Пока соберутся, пока усядутся, мы успеем спокойненько поесть. А туфли сними. Зачем тебе туфли? Я же тебя теперь все время на руках носить буду.

– Правда! – обрадовалась она. – Как это я сразу не сообразила... Туфли мне теперь совершенно ни к чему.

Она наклонилась, стаскивая новые тесные туфли, завозилась, путаясь в необъятном подоле многослойной пышной юбки, и поэтому не заметила, что там случилось, – почему машина резко сбавила ход, вильнула, и Павел зло чертыхнулся сквозь зубы.

– Спокойно, – напряженным голосом сказал Дмитрий. – Не будет же он наперерез...

И тут же приглушенно охнул – и вдруг грубо сгреб ее в охапку, пригибая к своим коленям, больно обхватывая стальными ручищами. Она даже удивиться не успела, потому что сразу же после этого был удар – очень сильный, и она подумала, что сейчас они все погибнут, и постаралась вспомнить всю свою жизнь, как полагается перед смертью, но ничего особенного не вспоминалось, кроме того, что университет она вот так и не закончила... А потом Дмитрий ослабил хватку, осторожно приподнял ее, заглядывая в лицо, ощупывая сильными пальцами ее руки, ноги, ребра, и она поняла, что это вовсе не то, что было раньше, а просто он хочет убедиться, что она жива-здорова. И тогда она испугалась.

– Как я испугался, – сказал Дмитрий белыми губами и перевел дух. – Господи, как я испугался... Не ушиблась?

– Нет, – неуверенно сказала она, глядя через плечо Павла, через треснувшее лобовое стекло на какое-то огромное колесо, в которое их «Волга» уткнулась смятым носом. – Я не ушиблась. Но ты меня так схватил, что, наверное, синяки будут.

– Извини. – Дмитрий отпустил ее и полез из машины. – Извини, так получилось. Испугался очень... Паш, ты в порядке? Сейчас я с этим дебилом разберусь.

– Нога, – сказал Павел сдавленным голосом. – Ничего, кажется, просто ушиб... Только зажало, вытащить не могу... У него тележка сейчас завалится... А в ней бочки. Понимаешь?

Юлька выглянула в окно, стараясь разглядеть, что там такое на дороге. Какой-то колесный трактор выскочил им наперерез – с поля прямо через кювет. А прицеп застрял в кювете передним колесом, опасно накренившись, и составленные в нем железные бочки дергались, качались и ползли в одну сторону, еще больше увеличивая крен прицепа. И какой-то дядька неловко вылезал из кабины трактора, без выражения матерясь гнусавым пьяным голосом.

– Брось сигарету! – вдруг заорал Дмитрий во всю силу легких. – Брось сигарету, скотина! Убью!

И только Юлька подумала, что никогда не слышала, как Димка кричит, как он наклонился к открытой дверце, протянул к ней руки и быстро, тихо, очень напряженно сказал:

– Юль, выходи скорее...

– Туфли...

Юлька наклонилась, пытаясь найти снятые туфли под складками платья, и тогда Дмитрий молча обхватил ее за талию ладонями и буквально выдернул из машины, не обращая внимания на треск рвущейся ткани, на ее протестующий крик и даже на то, что она больно ударилась локтем о край дверцы.

– Ты что? – Юлька испуганно смотрела в его напряженное, злое, совершенно не знакомое лицо и беспомощно барахталась в его руках.

– Спокойно, – бормотал Дмитрий сквозь зубы и куда-то нес ее, оглядываясь через плечо на дорогу. – Спокойно, все будет хорошо. Спокойно... – И вдруг остановился, поставил ее на ноги и закричал, срывая голос: – Пашка! Скорее!

Юлька вцепилась в него до боли в пальцах, ничего не понимая, ничего не ощущая, кроме страха, ни о чем не думая...

– Нога! – крикнул Павел из машины. Он еще что-то неразборчиво кричал, и Дмитрий, скрипнув зубами, оторвал Юлькины руки от лацканов своего пиджака, оттолкнул ее – даже не ее оттолкнул, а будто сам от нее оттолкнулся, – и опять побежал к машине, странно тяжело отрывая ноги от земли. И только тут Юлька заметила, что она стоит посреди скошенного поля, и жесткая стерня больно колет ее босые – в одних колготках – ноги, платье и фата порваны, а подол – весь в земле... Ничего себе невеста. Чтобы все это починить и отстирать, надо дня два. Минимум. Ну и что теперь делать? Свадьбу на два дня откладывать? Она подобрала юбки и шагнула вслед за Дмитрием, поджимая пальцы на ногах и морщась от отвращения, чувствуя, как земля забивается в белое кружево колготок.

– Не подходи! – закричал Дмитрий, оглядываясь на ходу через плечо. – Не подходи! Назад! Юлька, назад!

Она растерянно остановилась и стала смотреть, как он, резко рванув переднюю дверцу, хватая Павла за руки, тянет из машины и все время что-то кричит трактористу, а тот что-то гнусаво кричит в ответ, нелепо приседая, притопывая, безостановочно хлопая себя по карманам, корча какие-то дикие рожи, и в углу его рта все время пляшет надломленная незажженная сигарета... А железные бочки в накренившемся прицепе ползут к краю, и вот сейчас прицеп опрокинется, и бочки посыплются на дорогу, и будет столько шума!..

А потом случилось все сразу: Дмитрий рывком вытащил Павла из машины, но не удержался на ногах, и они оба упали, и тут же опрокинулся прицеп, и о дорогу одна за другой стали ухаты бочки, и что-то мокрое в полсекунды заставило потемнеть асфальт на несколько метров в обе стороны от трактора и «Волги», и издалека понеслись сигналы приближающихся со стороны сельсовета пяти свадебных машин с гостями и свидетелями, и тракторист перестал приседать и притопывать, достал из кармана спички и стал чиркать их – одну за другой, пытаясь прикурить сломанную пополам сигарету. А спички все не зажигались и не зажигались, и он бросал их, доставал новую и старательно чиркал, закрывая ладонями воображаемый огонек от воображаемого ветра, и опять бросал, и опять доставал новую, и опять чиркал...

Дмитрий вскочил на ноги, обхватил Павла за пояс и, почти не размахнувшись, бросил его, как мешок с картошкой, в сторону от дороги – через кювет, прямо на жесткую колючую стерню, – и прыгнул за ним сам, и Юлька успела сделать к нему шаг, как вдруг страшная сила толкнула ее в грудь, подхватила и, пронеся по воздуху, бросила на спину с размаху прямо на жесткую колючую стерню, а потом она услышала взрыв, а потом – визг тормозов подъехавших машин и страшный, дикий, непереносимый вопль двух десятков глоток, и перед тем, как отключиться, увидела, как сверху прямо на нее медленно, как газетный лист, падает искореженный кусок дымящегося металла...

Первое, что она услышала, когда пришла в себя, – это голос матери, с привычной интонацией произносящий:

– Я требую, чтобы мою дочь немедленно отправили в область! Я требую немедленно вызвать лучших специалистов! Я требую, чтобы ее немедленно отвезли в Воронеж!

– Нельзя, – спокойно отвечал незнакомый усталый голос. – Сейчас ее лучше не трогать. Не беспокойтесь, опасности нет. У нас хорошие специалисты, не беспокойтесь...

– Валентин! – Мать перешла на крик. – Ты чего молчишь? Ты отец или не отец?

– Тише. – Незнакомый голос стал строгим. – Не надо шуметь. Вы побеспокойте больную.

– Я требую, чтобы ее немедленно...

От свистящего шепота матери в голове у Юльки болело еще больше, чем от крика.

– Замолчи, Рита.

Это голос папы. Наверное, он на что-то сердится. Юлька только раз слышала у него такой голос – когда он обещал отдать какого-то майора под трибунал... Тогда в части случилось что-то ужасное. Наверное, опять что-то случилось.

– Па, что случилось? – с трудом спросила Юлька пересохшими губами и еще с бóльшим трудом разлепила веки.

– Юлечка! – тут же закричала мать, склоняясь над ней, и зарыдала, запричитала, захлопала, размазывая косметику по лицу. – Юлечка! Как ты себя чувствуешь? Очень больно, да? Я потребовала укол, но они говорят... Юлечка! Как же ты так!.. Я знала, я так и знала, я предупредила, что это добром не кончится! Я говорила!

– Рита, замолчи, – сквозь зубы сказал папа, отодвигая мать в сторону, а сам склонился над Юлькой, и она сквозь боль, тошноту и странный туман почувствовала его спокойную уверенную силу и тепло. – Не бойся, Юль. Все обойдется. Мы с тобой. Не бойся.

– Что обойдется?! – Мать, кажется, была в истерике. – Что обойдется, идиот?! Я требую, чтобы ее немедленно отправили в ожоговый центр!

Юлька осторожно, в несколько приемов, повернула голову и попыталась оглядеться. Вон какой-то дядька в белом халате. Наверное, она в больнице. Зачем? А, ну да, она же упала. Там, на поле. Димка вытащил ее из машины и унес в поле. А потом он вытащил из машины Павла, но в поле не понес, а просто бросил через кювет. Павел тоже упал на поле. Наверное, ему так же больно, как ей. Наверное, его тоже положили в больницу. А Димка где?

Юлька – опять очень медленно и осторожно – повернула голову в другую сторону и увидела тетю Нину, сидящую на стуле в углу палаты. Тетя Нина была в мешковатом черном платье с длинными рукавами и в черном платке на голове, низко надвинутом на лоб и туго завязанном под подбородком. Зачем она надела черное платье? Ведь они договорились, что тетя Нина будет на свадьбе в новом голубом костюме, они с Димкой сами этот костюм купили. На свадьбе жених должен быть в черном, а мама жениха должна быть в новом голубом костюме.

– Мама... – хрипло сказала Юлька.

– Я здесь! – закричала мать, опять нависая над ней и капая черными слезами на Юлькино лицо. – Юлечка, как же это... Я же говорила!.. Я так и знала!.. Юлечка, очень больно, да?

Юлька не слушала, смотрела на тетю Нину, а та подняла белое, застывшее, осунувшееся лицо и смотрела на Юльку черными пустыми глазами, а потом поднялась и деревянно шагнула к ней, протягивая руки вперед, как слепая, и тогда Юлька вспомнила тот взрыв и тот крик и стала догадываться, что случилось.

– Мама Нина... – Юлька хотела протянуть руки ей навстречу, но ничего не получилось – резкая боль полоснула ее от плеча до бедра, в глазах потемнело, и капли холодного пота противно защекотали лицо. Она осторожно перевела дух, стараясь не шевелиться, и с трудом сказала: – Мама Нина, скажи им, чтобы ушли.

– Тихо, тихо, моя хорошая. – Мама Нина наклонилась к ней, касаясь ее лица маленькими твердыми ладонями. – Поспи, моя маленькая, поспи немножко. Закрой свои глазыньки, а я тебе песенку спою... Спи, моя кровиночка, спи, моя родимая... Ты моя золотенька, серебряны краешки...

Мама Нина тоненьким слабым голосом выпевала какие-то полужнакомые, волшебные, колдовские слова, и слова эти проливались Юльке в душу, и глушили боль, и погружали в покой, и Юлька закрыла глаза, изо всех сил вцепившись слабыми пальцами в твердую маленькую ладонь мамы Нины, и, перед тем как забыться, успела прошептать:

– Мама Нина, ты меня не бросишь?

– Нет, моя доченька. – Мама Нина легко гладила ее лоб пальцами, и эти прикосновения были такими же колдовскими, как слова колыбельной. – Я тебя никогда не брошу. Я всегда буду с тобой.

– Я тоже всегда буду с тобой, – сказала Юлька, заплакала и уснула, плача.

Ожог за три недели почти зажил, осталась только широкая и длинная полоса безобразного шрама по левому боку, от плеча до бедра. Когда зажила вывихнутая рука – этого Юлия даже не заметила, потому что вывих ей вправляли, когда она была без сознания, а потом было

столько всего остального, что на боль в руке обращать внимание просто в голову не приходило. Больше всего врачи боялись осложнений после сотрясения мозга, но и тут обошлось. И через три недели Юлия вернулась домой. Не в тот дом, где она жила с папой, с матерью, с сестрой Валерией, а в тот дом, где она собиралась жить с мужем Дмитрием Июлем и его мамой. Теперь мужа у нее не было. Теперь она была вдовой. Теперь она будет жить в его доме с мамой Ниной. Всегда. Мама Нина сказала, что никогда не бросит Юлию.

Глава 3

Виктор не понял, почему проснулся. В поездах он всегда замечательно спал. Его успокаивал мерный стук колес, убаюкивало уютное подрагивание полки. В поезде он мог проспать двадцать часов подряд и не просыпался даже от суеты во время стоянок. А тут вдруг проснулся ни свет ни заря, да еще с таким ощущением, что проснуться было просто необходимо. Который час? Наверное, около пяти. Только-только светать начинает. Нет, зря он проснулся.

Виктор открыл глаза... и сразу закрыл. Конечно, это сон. Наяву ничего подобного не бывает. Честно говоря, ничего подобного он и во сне раньше не видел... Игра воображения. Что-то его воображение очень уж разыгралось. Это результат аскетического образа жизни в последнее время. И еще – результат встречи с этой хмурой девочкой вчера вечером. Такая маленькая, такая красивая, такая самоуверенная, такая хмурая девочка, которая привыкла, что ее всегда слушают. А смеяться не привыкла. Как они там с Катькой общались? Катька – это же взбесившийся пулемет, особенно после ссор со своим благоверным. А эта Юлия говорит очень тихо, очень отчетливо, медленно и как бы даже терпеливо. И прежде чем ответить на любой пустяковый вопрос, пару секунд молчит – наверное, думает, отвечать или не отвечать, а если отвечать, то правду или соврать, а если соврать, то для развлечения или для выгоды, а если для выгоды, то для моральной или материальной, а если для материальной... Спать, спать, спать. Зря он проснулся так рано. Все спят. Алан спит. Катька спит в соседнем купе. И эта Юлия спит в соседнем купе... Хотя нет. Как он мог забыть? Эта Юлия – здесь, в его купе. Катька вчера помирилась с Аланом и отправила братца на прежнее место. Юлия здесь. И ему ничего не снится. Все наяву.

Виктор опять осторожно приоткрыл глаза. Все, поздно. Юлия, двигаясь в полутьме легко и бесшумно, как летучая мышь, уже нырнула в короткий, но совершенно бесформенный светлый халатик, прихватила полотенце и выскользнула за дверь так тихо, что он даже щелчка замка не услышал. Неужели у нее и правда такая фигура, как ему померещилось спросонья? Все-таки, наверное, игра воображения. Не бывает таких фигур. Уж он-то голого тела повидал. Уж его-то голым телом не удивишь... Удивительно, что она так спокойно ведет себя голышом наедине с незнакомым мужиком. Хотя нет, она же не знает, что Катька осталась в купе с мужем. Она думает, что Катька – здесь, спит на его месте. Сейчас она вернется и, может быть, переоденется в эту свою широченную юбку до пят и в эту свою еще более широкую блузку чуть не до колен, и опять ничего не будет понятно, кроме этого ангельского личика с этими мрачными глазами.

Но пока она будет переодеваться, он, может быть, что-нибудь и увидит. Надо закрыть глаза и не шевелиться, и тогда она не заметит, что соседку подменили на соседа.

Виктор прикрыл глаза, сквозь ресницы с нетерпением глядя на дверь, напряженно ожидая, когда войдет Юлия, и в душе язвительно издеваясь над собой. Ну кто так себя ведет? Пятнадцатилетний придурок так себя ведет. Семидесятилетний развратник так себя ведет. Дебил недоразвитый так себя ведет. Взрослый человек, высокоинтеллектуальный, талантливый, вполне нормальный и к тому же уверенный в себе, так себя не ведет. Сейчас он крепко-крепко закроет глаза и не будет открывать их, когда войдет Юлия. Если он, конечно, взрослый человек, высокоинтеллектуальный и...

Дверь дрогнула, бесшумно отъехала в сторону, и в щель так же бесшумно проскользнула Юлия, неся с собой запах свежести и почему-то – металла. Он крепко-крепко закрыл глаза, точно зная, что сейчас опять их откроет, причем так, чтобы она не заметила. Вот прямо сейчас открывает... Чуть-чуть...

– Вы тоже проснулись? – Ее голос – тихий, отчетливый, очень спокойный, если не сказать равнодушный – раздался, кажется, чуть ли не у самого его лица. – Это я вас разбудила?

Виктор открыл глаза и даже опешил: ее лицо и вправду было совсем близко. Она стояла, низко склонившись над ним, и пристально вглядывалась мрачными черными глазами в его лицо.

– А как вы узнали, что я проснулся?

Виктор поднял руку, чтобы... чтобы что? Он и сам не знал. Наверное, чтобы хотя бы дотронуться до нее. Надо же убедиться, что это не сон. Но она неторопливо выпрямилась, будто не замечая его движения, повесила полотенце, убрала в сумку мыльницу, стала что-то искать – в общем, занялась делом, совершенно не обратив внимания на его вопрос.

– Вы чаю хотите? – так же негромко и отчетливо спросила Юлия, продолжая тихую возню со своим хозяйством.

– Еще бы, – охотно откликнулся Виктор, с сожалением отмечая тот прискорбный факт, что ее халатик еще более мешковатый, чем показался ему вначале. – Только кто нам его даст? Рано еще. Наверняка проводники дрыхнут без задних ног.

– Леночка не спит. Я ее попросила чай сделать. Наверное, заварила уже. Я сейчас принесу.

– Сама принесет. – Виктору вдруг очень не понравилось, что она уйдет – пусть даже на пару минут. Взрослый человек...

– Вы разве вставать не будете? – спросила Юлия с такой интонацией, будто обращалась к непонятливому ребенку. – Я чай сама принесу. Вам пяти минут хватит?

– Мне пяти секунд хватит, – заявил Виктор, рывком садясь на постели и сбрасывая простыню.

Ему очень захотелось, чтобы она увидела, какая у него красивая фигура, какие тренированные мышцы, какой ровный загар... Но Юлия уже вышла, не оглянувшись. И даже в зеркало на двери не заглянув – он специально следил. Не интересно ей, какая у него фигура. Наверное, ей интересно, какая фигура у мужа... Стоп, Витюша, притормози. А то лоб расшибешь. У нее есть муж. Она – чужая жена. Аргумент? Аргумент. Во всяком случае, до сих пор для него это всегда было аргументом.

Но, черт возьми, почему именно эту девочку понесло замуж за какого-то совершенно постороннего человека?! И чем, черт возьми, этот человек лучше его, Виктора? И, черт возьми, в конце концов, она не выглядит безумно счастливой женой своего проклятого мужа! И, черт возьми, что это за муж, который даже не может жену на вокзал проводить, а посылает своего престарелого брата?

Все это Виктор думал, бреясь в туалете перед тусклым зеркалом, раздражаясь все больше и больше. Два раза даже порезался, и это добавило раздражения, к тому же напор воды в кране был слишком сильным, и Виктор обрызгался с ног до головы, а вода оказалась очень холодной... Одним словом, когда Виктор вернулся в купе, он, кажется, был близок к тому, чтобы высказать все, что думает о ее муже.

В купе было тихо, душисто и уютно. Обе постели убраны, стол застелен желтой льняной салфеткой, а на салфетке – завтрак, сервированный на двоих. И ведь настоящий завтрак, и ведь по-настоящему сервирован! Виктор шлепнулся на свое место, изумленно таращась на две коричневые стеклянные тарелки, на ножи и вилки, на горку оладий в неглубокой деревянной миске, на кусок сливочного масла в масленке, на крошечный, не больше стакана, керамический бочонок с медом... И чай был крепкий, горячий, душистый – совершенно не вагонный чай.

– Как вы это делаете? – Виктор оторвался от созерцания стола и с тем же изумлением уставился на Юлию.

Она вопросительно глянула на него непроницаемыми черными глазами, помолчала несколько секунд и, догадавшись, что он имеет в виду завтрак, спокойно объяснила:

– Меня мама Нина в дорогу собирала. Она ни одной мелочи никогда не упускает. Даже соль, перец и горчицу. Даже зубочистки. Оладушки вчера специально мне в дорогу напекла. Леночка их только что в тарелке над чайником разогрела. Ешьте, пока теплые.

– Спасибо. – Виктор, к собственному удивлению, даже растрогался. – Я ваш вечный должник. Даже не помню, когда я нормально завтракал. Чаще всего кофе да бутерброд с колбасой – и погнал на службу...

Он совершенно не собирался рассказывать ей о себе всякую ерунду. Он собирался порасспрашивать о ее жизни. Разговорить ее хотя бы до обычной беседы попутчиков. Вытянуть из нее хоть что-нибудь... А вместо этого уплетал за обе щеки оладушки с маслом и с медом, пил душистый индийский чай, грыз миндаль в шоколаде и – трепался без умолку. Неизвестно о чем. О том, что вот ему, например, такого чаю в поезде сроду не давали, а дома он чай вообще редко пьет, потому что чаепитие – это ритуал, а какой же это ритуал, если в одиночку, и чайных чашек у него осталось всего ничего, да и то – от разных сервизов, а остальные разбились постепенно, а Катька обещала какой-то особый сервиз привезти, но забыла, они с Аланом оба вообще очень забывчивые, из-за этого все время ссорятся – выясняют, кто виноват, что опять что-нибудь забыли, но быстро мирятся, потому что жить друг без друга не могут, и это даже удивительно, потому что, кроме забывчивости, у них ничего общего, таких разнополюсных людей он вообще никогда не видел; когда они поженились, он думал – это недели на две, а потом разбегутся, если раньше друг друга не поубивают, а вот уже пять лет живут – и ничего, сыну три с половиной, и еще детей хотят, особенно Алан...

Виктор замолчал, с удовольствием наблюдая, как Юлия быстро и бесшумно наводит порядок на столе – как-то так ловко, что казалось, будто все само собой устраивается: сахарница и бочонок с медом – в пластиковую коробку, масло – в крошечный термос, ножи, вилки и стеклянные тарелки – в полиэтиленовый пакет... И ничего ни разу не звякнуло, надо же! Наверное, у нее дома в кухне все так же чисто, тихо и вкусно пахнет.

– А у вас дети есть? – спросил он, заранее представляя маленькую тихую девочку с мрачными черными глазами.

– Нет, – помолчав, ответила Юлия. – Пойду посуду вымою. Вам чаю еще принести?

– Я помогу. – Виктор поднялся, глядя на ее отражение в зеркале. В зеркале у ее отражения было, кажется, не такое каменное выражение лица.

Отражение Юлии встретилось с ним взглядом, и на миг ему показалось, что это совсем незнакомый человек и в то же время человек, которого он где-то видел. Такое тревожное чувство...

– Нет, – опять помолчав, сказала Юлия и вышла.

Она привыкла, что ее слушают, это точно. Слушают и повинуются. И все-таки почему она так долго молчала перед тем, как ответить, что у нее нет детей? Давала понять, что он лезет не в свое дело? Или вспоминала, есть у нее дети или нет? Виктор опять почувствовал раздражение. Ну вот как с ней общаться? И тут же вспомнил, как только что болтал, словно заведенный, и прекрасно себя мироощущал, такого душевного комфорта он давно ни с одним собеседником не испытывал. Хм, собеседник... За всю их оживленную беседу она сказала три слова. Ну, пять... И тем не менее в ее обществе ему весело и как-то уютно. Вот повезло ее мужу...

– Вы недавно замуж вышли? – Виктор и сам не ожидал, что спросит это, слова как-то сами собой слетели с языка, как только она появилась в дверях с вымытой посудой в мокрых руках.

Юлия без выражения глянула на него, прошла к столику, бесшумно поставила посуду, потянулась за полотенцем и только тогда ответила:

– Десять лет назад.

Он недоверчиво хмыкнул, откровенно окидывая ее взглядом:

– Это во сколько же?..

– В четырнадцать часов семнадцать минут.

Виктору показалось, что в ее черных непроницаемых глазах мелькнула хмурая насмешка. Он засмеялся, потер ладонью короткий ежик волос и уточнил:

– Я имел в виду – сколько вам лет тогда было? Десять? Или уже одиннадцать?

– Восемнадцать. – Она не ответила улыбкой, но он был уверен, что в ее глазах опять мелькнула насмешка. – Сейчас мне двадцать восемь. Замуж я вышла десять лет назад. Двадцать восемь минус десять получится восемнадцать.

– Этого не может быть, – категорично заявил Виктор. – Зачем вы меня обманываете? Я все-таки врач, так что возраст человека уж как-нибудь сумею определить. Тем более, что я, скажем так, детский врач, а это значит, что я более, чем другие врачи, знаком с динамикой возрастных изменений... Точнее – с динамикой изменений в процессе роста. Вам не больше двадцати...

– Вы правда детский врач? – с интересом спросила Юлия, пропустив мимо ушей его витиеватый комплимент.

Но может быть, только он думает, что это для нее комплимент? Может быть, она к таким комплиментам уже так привыкла, что перестала слышать их, как перестают слышать постоянный шум транспорта за окном.

– Правда, я детский врач, – откликнулся Виктор, несколько удивленный ее острым интересом к этой теме. Знать бы раньше, какие темы ее интересуют... Странно, однако. Ведь у нее нет детей...

– А какой врач? – Теперь Юлия смотрела на него пристально, ожидая и даже с симпатией. – Я имею в виду – у вас какая специализация? Терапевт, хирург, офтальмолог или еще что-нибудь?

– Еще что-нибудь. Я психоневролог. Начинал как невропатолог, а сейчас вот пришлось психиатрией заниматься. Подвернулась возможность в Англии поработать. В лучшей клинике. Ну, и поучиться заодно. Я последний год в Лондоне живу.

– А какое направление? – Юлия, кажется, вообще не обратила внимания на его упоминание Лондона. – Я имею в виду – у вас есть определенная тема исследований или, может быть, особый интерес к определенным отклонениям? Или так – может быть, вам чаще приходится заниматься какими-то определенными заболеваниями? Извините, я не могу сформулировать вопрос точнее, я не специалист.

– Похоже, специалист. – Виктора все больше удивлял и даже немного тревожил ее явный интерес к психиатрии. Такой интерес к психиатрии обычно проявляют только психиатры и... их пациенты. – Похоже, вы во всем этом вполне уверенно ориентируетесь, а? Вам что, приходилось сталкиваться с... м-м... подобными проблемами?

– А вы что, встречали людей, которым с подобными проблемами сталкиваться не приходилось?

– Интересный поворот темы. – Виктор засмеялся, глядя на совершенно серьезное, внимательное, заинтересованное лицо, и вдруг сам посерьезнел, задумался и уже с совершенно другим выражением задумчиво повторил: – Интере-е-есный поворот темы... Нет, честно. Если вдуматься, в наше время это действительно проблема. Наверное, почти все так или иначе сталкиваются с проявлением каких-нибудь патологий...

– Все, – неожиданно перебила его Юлия таким тоном, будто поправляла очевидную ошибку.

– Ну да, я и говорю – почти все...

– Все. Абсолютно все, – тем же тоном тихо сказала она и поднялась. – Вы еще чаю хотите?

– Нет. То есть да...

Виктор растерянно смотрел ей вслед и чувствовал себя не дипломированным специалистом с богатым опытом работы и блестящими перспективами, а тупым первокурсником, которому маститый профессор поставил, так и быть, троечку – исключительно из сочувствия к бедным родителям такого болвана... До чего странная девочка, а? Ну и повадка! Хорошо еще, что она не выгнала его из класса и не потребовала прийти с родителями. Совершенно непонятно, как это они с Катькой вчера общались.

Вернулась Юлия с двумя стаканами чая – опять крепкий и душистый, надо же! Скорее всего, она загипнотизировала проводников... За всю свою переполненную поездками жизнь Виктор не встречал ни одного проводника, который согласился бы заварить нормальный чай даже под дулом пистолета.

– Вы кто? – Кажется, он не удивился бы, если бы она призналась, что работает колдуньей.

– Учительница, – помолчав, ответила Юлия. – Вы не против, если я поработаю, пока мы будем чай пить?

– Как поработаете? Кем? Учительницей?

– Марьей-искусницей, – без улыбки ответила Юлия.

Она вынула из сумки какой-то сверток, развернула его на коленях, и Виктор удивился, увидев начатую вышивку и несколько мотков цветных ниток. Это занятие с ней как-то не вязалось. Как она стоит перед целым классом разболтанных бандитов – этого он тоже представить не мог. Впрочем, если это первоклашки...

– Вы в младших классах преподаете?

– И в младших тоже.

Юлия склонилась над своей вышивкой, неторопливо и вроде даже небрежно делая стежки, временами отрываясь, чтобы сунуть в рот конфету или сделать глоток чаю, а потом опять бралась за иглу, и Виктор вдруг поймал себя на том, что с открытым ртом следит за ее неторопливыми движениями. И правда, было на что посмотреть. И дело даже не в том, что движения были удивительно плавными и точными. Это было похоже на завораживающий танец пламени, если бы пламя могло танцевать так неторопливо. Одно движение незаметно переливалось в другое, все предметы, к которым она протягивала руку, как-то очень послушно и охотно оказывались в ее тоненьких пальцах, а потом бесшумно возвращались на прежнее место и терпеливо ждали своей очереди, и нитки у нее не путались, и стакан о подстаканник ни разу не звякнул, и пакетик с конфетами не зашуршал. Виктор попробовал так же бесшумно вынуть из пакетика орех, но конечно же целлофан тут же поднял такой треск, что он даже поморщился. Как это он раньше не замечал, что производит столько шума любым пустяковым движением?

– А что вы преподаете? Случайно, не рукоделие?

– И рукоделие тоже. – Юлия подняла лицо от работы и внимательно посмотрела на него. – Может быть, вы почитать хотите? У меня есть несколько каких-то журналов. Кажется, свежие.

– Вам мешает мой треп? – Виктор сам удивился, до какой степени обиделся.

– Нет, – спокойно ответила она и слегка нахмурилась, строго глядя ему в лицо. – Почему вас обидело мое предложение почитать?

– Да ничего подобного! – Виктор вдруг смутился и растерялся. – Да с какой стати? И с чего это вы решили?..

– Не понимаю. – Юлия еще больше нахмурилась. – Почему вы не хотите сказать правду? Вы обиделись – следовательно, я вас обидела. Я должна знать – чем, чтобы в другой раз не допустить той же ошибки.

– Кошмар. – Виктор невольно засмеялся и повертел головой. – Инквизиция... Ну, ладно, признаюсь. Мне показалось, что вы от меня отделаться хотите. Как бы – на, читай и молчи. А мне поговорить интереснее. Если вы не против.

– Я не против.

После этого она замолчала и опять склонилась над своим рукоделием.

– Интересно, как к вам ученики относятся?..

Он ожидал чего-нибудь вроде легкого пожатия плеч или в лучшем случае – сдержанного «неплохо»... Юлия глянула на него такими глазами, что он чуть не поперхнулся чаем, а когда она улыбнулась легкой, скользящей, немножко будто неуверенной улыбкой, он и вовсе язык прикусил.

– Они меня любят, – сказала она со спокойной гордостью. – Они всех нас любят, даже Надежду Васильевну.

– Любят? – Виктор совершенно не вдумывался в смысл слов, он жадно смотрел в ее лицо, впитывая эту удивительную улыбку, этот удивительный взгляд нежных, теплых, умных глаз, и боялся, что эта улыбка сейчас пропадет, и лихорадочно придумывал, каким бы таким приемом заставить ее улыбнуться еще... – Всех любят, да? А Надежду Васильевну почему любят?

– Потому что им больше некого любить, – тихо сказала Юлия после заметной паузы. На ее неподвижном лице не было и следа недавней улыбки.

Глава 4

Им некого было любить. Тогда, во время летней педагогической практики после второго курса, Юлька этого еще не понимала. Да и дети в интернате тогда были все-таки немножко другие. Конечно, почти все – из неблагополучных семей, как тогда это называлось. Некоторые – с отягощенной наследственностью. Многие несколько отставали в развитии. Но в общем-то дети как дети. И интернат был как интернат, и учителя в нем были как учителя, и вообще все это мало ее трогало, потому что тогда она никак не ожидала, что останется здесь навсегда.

Мать, конечно, билась в истерике. Как можно даже в шутку говорить о карьере сельской учительницы?! Как можно вообще думать о том, чтобы остаться в деревне? Как она посмела перевестись на заочное? Как она может ломать себе жизнь? Дура безмозглая! Для того ли ее воспитывали?! И так далее.

Папа не отговаривал. Он тогда часто приезжал к ним с мамой Ниной, всегда вроде по делу – то вещи Юлькины привезет, то якобы за вишней приедет, но Юлька догадывалась, что папа тревожится за нее, еще не отошел от пережитого недавно страха и просто хочет подольше побыть рядом с ней. Она тоже хотела быть рядом с ним. Но в Воронеж возвращаться не хотела. Не могла. Не могла она жить, как прежде. Не могла выслушивать нотации матери, истерики Валерии, сочувственные слова подружек. Не могла как ни в чем не бывало ходить на лекции, или сбегать с лекций, или участвовать в «общественной жизни». Не могла просиживать ночи напролет, зачитываясь какой-нибудь «Анжеликой». Не могла бегать в киношку с беззаботными подружками, а тем более с беззаботными пацанами...

А главное – не могла она уехать от мамы Нины. Никогда у нее не было человека роднее мамы Нины. Был, конечно, папа, но папа – это совсем другое дело. Папа без нее будет скучать, но – справится. А маме Нине без нее, Юльки, никак нельзя. Вон она какая маленькая, худенькая, слабенькая, да еще сердце болеть стало. И совсем одна, без помощников и защитников. Нет, от мамы Нины уезжать никак нельзя.

А потом – интернат. Сейчас даже вспомнить странно, как ей плохо было там первое время. И работа придурочная – пионервожатая. И все воспитатели, преподаватели, медперсонал, как минимум, вдвое старше ее. И старшая медсестра Надежда Васильевна без конца хаяла ее брючки-юбочки-маечки. Да и уставала она очень, хотя, если вдуматься, – что такого она тогда делала? Смешно. Но сначала было трудно.

А потом стало еще труднее. Гораздо, гораздо труднее. Еще неизвестно, осталась бы она, если бы заранее знала, как будет. Многие уехали. И до сих пор уезжают – каждый год. А новые почти не приходят. Никого не заманишь такой зарплатой, да и ту не каждый месяц дают. Кому нужно жить в какой-то дыре и работать за бесплатно в таком, с позволения сказать, интернате? Ни оборудования, ни учебных пособий, ни приличной мебели, ни нового постельного белья, ничего... Спасибо, хоть не голодали. И то потому только, что вовремя свое хозяйство завели – вопреки мнению начальства и в обход инструкций всех этих чертовых инстанций. Инстанции! Как денег дать – так их нет, как выпускника пристроить – так они не полномочны, а как найденыша девать некуда – так вот у них под боком Хорусевский интернат... И интернат давно уже стал никаким не интернатом, а скорее детским домом. Ужасно многопрофильный детский дом. Он же – сельскохозяйственный кооператив. Он же – столярная мастерская. Он же – швейный цех. Он же – фабрика народных промыслов. Он же – все остальное... А куда деваться? Иначе просто не выжили бы. Многие подобные заведения позакрывались в это шальное время. Вот каким местом думают эти инстанции, когда утверждают смету расходов на содержание девятиности шести... нет, уже девятиности семи детей, большинство из которых появляется в Хоруси буквально голы, босы и голодны, как бродячие котята? И все – больные. Ох, тоска... После того как умер старенький доктор дедушка Коля, все пережили полосу панического страха. После

дедушки Коли в интернате перебивало шесть врачей – и все сбегали через год-полтора. Понятное дело – бабы молодые, незамужние, городские... Что им в Хоруси светило? Роман с пьяным механизатором? Последний из присланных врачей – мужик. Тоже молодой-холостой, вот ведь не везет... Хорошо бы он в Лиду влюбился. Она симпатичная и очень хорошая учительница. И единственная из всех интернатских, кто не замужем. Поженить бы их, может, он бы и остался. Врач-то он, кажется, неплохой. И человек добрый. И вообще для интерната очень полезный. Это он придумал рассаду на продажу разводить. И ребятам понравилось со всякими растениями возиться, и у интерната теперь вторую весну несколько лишних тысяч. И это он, доктор Олег, придумал Юлькины тряпочки в художественный салон сдавать. А это вообще чуть не каждый месяц по пять-шесть тысяч. Тьфу-тьфу-тьфу, не сглазить бы... Юлия до сих пор не могла понять, как это можно отдать такие тысячи за одно-единственное платье, пусть даже и вышитое вручную. У нее рука не поднялась бы, если бы даже были такие деньги. Правда, у нее рука не поднималась отдавать и по двадцать – тридцать рублей за детское бельишко. Жадная, наверное. С этой ее жадности все и началось. Конечно, и раньше все для интерната что-нибудь делали – мебель чинили, коврики из лоскутов плели, наволочки шили, еще всякие мелочи. Денег всю жизнь не хватало, так зачем их еще и отдавать за ерунду, которую самим можно сделать?

Юлька с первых дней приняла это как должное и включилась в общее рукоделие по мере возможностей. Главным образом шила и вязала одежду для маленьких, на маленьких особенно тяжело было смотреть... Как-то постепенно она стала учить тому же старших девочек, а следом даже и некоторые мальчики кое-чему научились, а потом вдруг оказалось, что их дети – самые нарядные дети на всем белом свете, и пусть тот, кто не верит, посмотрит в художественном салоне, во сколько оценили выпускное платье, которое Юлия делала для Маши-старшей. Жаль, что Маша не решилась оставить это платье себе... Ну ничего. Бог даст, свадебное у нее будет еще лучше. Маше повезло, она совершенно здоровая, да еще и хорошенечкая, и характер золотой, и умница, и помощница... Если бы не она, Юлия вряд ли успела бы так быстро и так много к выставке подготовить. Выставка – это тоже идея Олега, он об этой выставке первый узнал, совершенно случайно, когда ездил в область за лекарствами. Но Юлия подозревала, что, если бы никакой выставки проводить не собирались, Олег бы сам ее, чего доброго, организовал. Он с самого начала был уверен, что Юлия возьмет главный приз. Она в этом не была уверена, но главный приз очень хотелось взять.

В прошлом году главным призом на такой же выставке была швейная машинка, немецкая, электрическая, очень хорошая, очень дорогая. Такой приз интернату не помешал бы. Ну, она и отвезла в нынешнем году на вторую такую же выставку пару вышитых платьиц, вязаное пальто, кружевную шаль, вечернюю шелковую сумочку, расшитую мелким черным бисером, целую россыпь которого Юлия нашла как-то в сундуке у мамы Нины. Много чего она отвезла – чтобы выбрали то, что им больше понравится. А им все понравилось. И от посетителей выставки поступило несколько заявок на каждую ее вещь. Юлия дала разрешение выставить ее работы на аукцион. И теперь, наверное, у интерната будет еще несколько лишних тысяч.

А Юлия получила главный приз. А главным призом в этом году оказался морской круиз почти на три недели, с заходом в какие-то ужасно известные курортные города, с программой каких-то невероятных развлечений. Бассейн, кинозал, танцы, казино, бар и прочая дурь. Юлия даже расстроилась. Зачем ей этот круиз? Ей машинка нужна. Надо продать путевку и купить хорошую швейную машину. Или вязальную. Дети растут, вся одежда на них как огнем горит, рук не хватает шить новое, времени не хватает, никакого терпения не хватает на эту древнюю развалину, которая сто миллионов лет назад была швейной машинкой... Зачем ей этот дурацкий круиз? Круизом штаны для Петьки не прострочишь.

Но тут совершенно неожиданно и очень активно вмешалась мама Нина. Вообще-то она никогда не оспаривала Юлькины решения. Наоборот, одобряла и поддерживала абсолютно все,

что бы Юлька ни думала или ни делала. Но на этот раз чуть не до скандала: езжай – и все. Ты путевку, мол, выиграла, а выставочные вещи и так купят, и деньги будут на машинку, а путевка все равно как дармовая, и когда еще такой случай выпадет, и вообще это – главный приз, и не имеешь права отказываться, потому что это неуважительно и даже неприлично.

– Мама Нина, ты что это так горячишься? – подозрительно спросила Юлия, почти потрясенная взрывом эмоций обычно очень спокойной мамы Нины. – Нет, ты не кричи, ты доказательно объясни, зачем мне мотаться по всяким круизам? И что я в этих круизах не видала, без чего жить нельзя?

– Ладно тебе. – Мама Нина немножко смутилась и быстренько отвернулась, якобы сосредоточившись на мытье банок. – Может, ты все на свете повидала, только когда это было-то, а? Который год в деревне безвылазно сидишь, никого не видишь, ни с кем не встречаешься... Разве я тебе компания? Да и не вечно мне жить. А как ты одна будешь? Вот и подумай. Время-то идет.

– Я тебе помру! – возмутилась Юлия, привычно пропустив мимо ушей все остальное. – Я тебе так помру, что своих не узнаешь! Что это еще за разговоры такие! Мама Нина, ты что, опять сердцем маешься? Ну-ка, бросай свои банки, потом сама вымою... Вот как я от тебя уехать могу, если ты помирать надумала?

– Ничего я не надумала. – Мама Нина повернулась к ней, воинственно задрав подбородок и угрожающе свертывая мокрое полотенце в жгут. – Никаким сердцем я не маюсь! Еще и поздоровее некоторых буду... Хлобыстну разок – живо узнаешь! Ишь ты, спорить с кем надумала! Я сказала – поедешь, и все тут. И не поднимай язык на родную мать, не тебе против моего характера упираться!

– Мамочка Ниночка, – вкрадчиво начала Юлия, осторожно подвигаясь к развоевавшейся старушке. – А вот я сейчас тебя скручу, в постельку уложу, полотенцем привяжу и не отпущу, пока не скажешь, зачем мне так уж необходимо от тебя уехать...

– Брысь отсюда! – Мама Нина для проформы шлепнула Юлию мокрым полотенцем. – Сама, поди, знаешь... Кого ты здесь найдешь? Вот. А тебе уж давно пора бы внуков мне нарожать. Одного мальчика и двух девочек.

– Начало-о-ось, – с подчеркнутым отвращением пробормотала Юлия, повернулась и решительно пошла из кухни.

– А оно и не кончалось никогда! – закричала мама Нина сердито, бросила полотенце и пошла за ней. – Ты меня слушать не хочешь, а потом локти грызть будешь! Не убегай, кому говорю... Хоть раз до конца дослушай, я ведь не каждый день тебе талдычу, я тебе дело говорю, я же о тебе думаю, у меня же душа вся изболелась, что ж ты глупая такая... Юленька, детонька, хорошая моя...

Это была старая тема. Еще тогда, в первые дни после больницы, когда Юлька поселилась у мамы Нины, когда они в бесконечных разговорах, в слезах, в хозяйственной суете или в долгом совместном молчании перебаливали случившееся, мама Нина в особенно тоскливую минуту вдруг сказала:

– Ну, ничего, ничего... Ты, доченька, сердце не рви. Вот внучика мне родишь – и все образуется.

– Внучика?... – Юлька не поверила своим ушам. – Как это – рожу? Как же это я рожу?! Мама Нина, что ты говоришь такое?..

– Не родишь? – Вид у мамы Нины был потрясенный. – Вот тебе и на... Юленька, детонька, а я-то надеялась... Я-то думала: со свадьбой вон как торопятся, за неделю сладили... Не плачь, моя хорошая, прости меня, дуру старую...

К разговору о внуках мама Нина не возвращалась года два. Эти первые два года после гибели Дмитрия к ним часто ездил Сашка. То есть все братья ездили часто, но Сашка – чуть ли не каждую неделю. Юлька не понимала, как мама Нина может радоваться его приездам, как

она может вообще спокойно смотреть на него, такого немислимо похожего на Димку, напоминающего Димку каждым движением, каждым взглядом, каждой улыбкой, и голосом, и родинкой на левом виске, и даже запахом... Сама Юлька спокойно смотреть на Сашку не могла. В ней уже не было того ревнивого возмущения, которое она испытала, увидев его рядом с Димкой, но Сашка ей все равно почему-то не очень нравился. В каждый его приезд она старалась найти любой предлог, чтобы поменьше с ним встречаться, а это было нелегко – он приезжал на выходные, на работу идти Юльке не было необходимости, и, если она все-таки шла в интернат, это выглядело именно так, как и было на самом деле, – она сбегала от него. А он этого будто не замечал. Будто нарочно ходил за ней как привязанный, напрашивался в помощники – даже детей купал! – подарки какие-то привозил. А ее это раздражало, хоть она и пыталась не показывать виду. И наконец мама Нина не выдержала.

– И что это ты на него волком смотришь, а? – возмутилась она после очередного Сашкиного визита. – И чем это он тебе так не угодил? Может, обидел как-нибудь? Так ты мне скажи – я ему так всыплю...

– Мама Нина. – Юлька собралась с духом, подыскивая слова. Она надеялась, что эта тема не всплывет, но раз так, раз мама Нина сама не понимает, надо как-нибудь unbedingt объяснить. – Мама Нина! Сашка хороший. Ты его любишь. Как Володю, и Славику, и... Димку, правильно? Они все твои дети. Ты их всех любишь. Всех!.. – Она перевела дыхание, помолчала и все-таки решилась: – А я Димку люблю. Зачем Сашка так часто приезжает? Я каждый раз думаю... мама Нина, прости меня... я думаю: он вот живой, а Димка умер! Я знаю, что так нельзя... Оно само так думается... И как я могу ему в глаза смотреть, если все время об этом думаю?!

Потом они обе долго ревели, чуть не до утра просидев в маленькой комнате мамы Нины, рассматривали старые фотографии в шести увесистых альбомах: вот родня, а это они с мужем, через неделю после свадьбы специально в город фотографироваться ездили, а вот их старый дом, это уже Володя снимал, на память, когда новый строить стали... А вот дети – первый класс, второй класс, седьмой класс... А вот Славик в Чехословакии – какой красивый, правда? Тоже на Димку похож. А вот последние фотографии Сергея Степановича. Год до пенсии не дожил. Да он и на пенсию, наверное, не согласился бы уходить. Такой моторный был, минуты спокойно не прожил! Вот и укатали сивку крутые горки. Врачи потом говорили, что он с инфарктом неделю бегал, а никто ничего и не знал. Может, если бы подлечили сразу – пожил бы еще... Отец хотел, чтобы кто-нибудь из младших совхоз принял. И они оба хотели – и Димка, и Сашка. И готовились оба, и учились вместе, и работали здесь же... И все знали, что кто-нибудь из них отца заменит, – и в администрации знали, и в управлении... Отец говорил, что сам выберет – Димку или Сашку. Да вот не выбрал. Мальчишки жребий тянули, кому на утверждение идти. Выпало Димке. Он и пошел, и так уверен был, что директором будет! Ему даже кто-то сказал: нескромно, мол. Новый кто-то сказал, не знал ничего. Ну, остальные все знали, так и получилось, как он хотел... У всех Юлей всегда все получалось, как они хотят. И у отца так было, и у ребят так...

– Что ж Сашка не захотел вернуться после... ну, как Димка погиб? – Юлька сама удивилась своему вопросу. И тому, что может говорить об этом почти спокойно.

– Сашка уже в Москве укоренился, – задумчиво сказала мама Нина. – У него там и работа, и друзья, и перспективы... А здесь что? – Она помолчала, повздыхала и неожиданно добавила: – Вот если бы ты за него замуж пошла – он, может, и вернулся бы.

– Замуж?! – Юлька так изумилась, что сначала даже не обиделась. – Мама Нина, что ты придумала? Или это он тебе что-то сказал? Ничего себе! Я – замуж за Сашку?

– А что? – Мама Нина тут же воинственно задрала подбородок. – Чем он тебе не хорош?

– Да всем он хорош! – Юлька испуганно таращила глаза и кусала губы, стараясь найти слова. – Очень даже он всем хорош! Только я – жена его брата! Ты что, забыла?!

– Детонька... – Мама Нина опустила голову и ссутулилась. – Юленька, не обижайся, чего скажу... Это ты, видать, забыла. Ты – вдова его брата. А женой-то и не была. Постой, не перебивай... Ты Димку любила, я верю. Но жизнь-то идет, правда? Ты подумай о себе, доченька... Тебе замуж надо, детей рожать надо, я внучиков понянчать хочу... За кого ты тут замуж пойдешь? Может, в городе и нашла бы кого-нибудь, да ведь он сюда не поедет, тебя с собой увезет, а как мне без тебя? А Сашка бы здесь остался, я знаю.

– Бред! – крикнула Юлька и вскочила с дивана, рассыпая фотографии с колен. – Бред, бред, бред! Слушать не хочу! Думать не могу! Я не пойду замуж! Тем более – за Сашку!

– Да за Димку-то ты пошла! – тоже закричала мама Нина. – Чем же Сашка хуже? Одно лицо!

– Вот именно! – Юлька вдруг села на ковер посреди пола, уткнулась лицом в колени и громко заплакала.

– Одно лицо... – бормотала мама Нина, поднимаясь с дивана и усаживаясь на ковер рядом с Юлькой. – Одна душа... Один характер... Все одно. Прямо как и не умирал.

Юльке показалось, что она вдруг что-то поняла, и она испугалась. Так сильно испугалась, что даже плакать перестала, молча уставилась на маму Нину, не зная, что же теперь говорить и что делать, а душа ее переполнялась страхом и острой жалостью... И вдруг точно так же, как давным-давно сделала мама Нина, теперь совершенно инстинктивно сделала Юлька: осторожно обняла тощие старушечьи плечи, уткнулась лбом в висок мамы Нины и, слегка покачиваясь в медленном, усыпляющем ритме, запела-заплакала полузабытые, полужнакомые, странные, колдовские слова:

– Спи, моя золотенька, серебряны краешки...

– Отстань. – Мама Нина отрезвляюще отпихнула Юльку острым локтем, шмыгнула носом и вытерла подбородок. – Не бойся, я не свихнулась. Просто... ну, это ты не поймешь, пока своих не нарожаешь. И нечего на меня глазами лупить. Ладно, давайка и вправду спать ложиться. Потом поговорим...

Потом они поговорили. И не однажды. Точнее – говорила мама Нина. В самый неожиданный момент и, как правило, в самом неподходящем месте мама Нина вдруг начинала без подготовки: замужество, дети, дети, замужество... Похоже, это стало навязчивой идеей. Родил ей внучика, и все тут... Или лучше двух. Еще лучше – двух мальчиков и одну девочку. Или двух девочек и одного мальчика. Или всех девочек, но много. Возможны варианты. Юлька сначала по глупости вступала в пререкания. Потом стала сбегать – якобы по делу, чтобы не обижать маму Нину. Потом перестала слушать – просто переключалась на другое при первом упоминании замужества и детей. Маму Нину это нисколько не останавливало. И вот ведь что интересно: у Володи и Славики давным-давно были дети, по двое мальчишек, вылитые Юли, Сашка в конце концов женился, его Людмила выражала полную готовность нарожать Юльчиков по потребности, но мама Нина совершенно демагогически игнорировала то обстоятельство, что «внучиков» у нее и так уже полная обойма, и даже придумала абсолютно неопровержимый в силу абсолютной нелепости аргумент: внуки от сыновей дороже отцу, матери дороже внуки от дочери...

Юлька изумлялась нелепости этого аргумента, не раз выражала о нем свое крайне неприязненное мнение, но ни разу за все эти годы не только не сказала, но даже не подумала, что, в общем-то, она, Юлька, маме Нине не дочь. И мама Нина Юльке не мать. Кажется, и мама Нина об этом не помнила. И никто, наверное, об этом не помнил. Вот разве только Юлькины родители... Но папа принял новую расстановку сил как должное, он любил Юльку и полюбил маму Нину, и все понимал. А мать... Ну что мать? У нее было столько претензий к Юльке – и по поводу ее образа жизни, и по поводу внешности, и по поводу манеры одеваться, и ходить, и говорить, и... В общем, во время их редких и коротких встреч мать едва успевала высказать и половину, так что до родственных связей Юльки с мамой Ниной дело не доходило. Ну

и хорошо. Валерия пару раз попробовала что-то вякнуть на тему «как хоть с этой старухой общаться можно», но Юлька в первый раз на нее цыкнула, а во второй просто вlepила затрепщину и пообещала пообрывать уши, если еще раз услышит. Больше ничего такого не слышала. Может быть, еще и потому, что Валерия после этого случая вообще не заговаривала с сестрой год. Ну и тоже хорошо.

Зато когда Юлия эту путевку выиграла – ох и разговоров было! Мать прямо сказала, что путевку нужно отдать Валерии. Ну зачем Юлии этот круиз? Отдых! Даже смешно. Она и так круглый год на природе живет, можно сказать – как на даче. А Валерии просто необходимо развеяться, она так перенервничала с этим разводом, даже больше, чем с первым, и вообще ей надо жизнь как-то устраивать, а круиз – это прекрасная возможность, и должна же Юлия подумать о сестре, и...

– И в чем тебе ехать? – ехидно вмешалась Валерия. – Тебе же даже надеть нечего! Ты же в своей деревне привыкла как доярка ходить. Вечно какие-то балахоны напяливаешь... Ты что, думаешь – вот в этом можно показаться в приличном обществе?

«Вот это» было выставочным костюмом из небеленого полотна, сплошь покрытого тончайшей ручной вышивкой белым шелком, – ни один фрагмент узора дважды не повторялся. Собственно, «вот это» и заработало Юлии главный приз, и она сняла костюм с аукциона, потому что вдруг ужасно захотела оставить его себе. Наверное, жадность одолела. Жалко было такую вещь из рук выпускать. Лучше этого она пока ничего не сделала.

Ничего этого она Валерии не сказала. Валерия так гордилась своей внешностью, и косметикой, и побрякушками, и своими шикарными тряпками с турецких развалов – зато с итальянскими этикетками величиной с разделочную доску. Ну что ты ей скажешь? Бедная Валерия!

– Что, нечего сказать? – уже откровенно пошла на скандал сестрица. – Что, со своими дебилами уже и разговаривать разучилась? Ха! В круиз она собралась! Деревня! Хоть бы не позорилась!

– Не надо, Валерия, – неожиданно вмешалась мать, и Юлия поразились: что же это делается – ее тут защищают? Не может быть...

Мать озабоченно смотрела на Валерию и говорила успокаивающим тоном:

– Не надо волноваться, не стоит... Подумаешь – круиз! Мы тебе сами путевку купим, еще и получше... На Канарские острова. Там, говорят, все миллионеры отдыхают. Валентин! Ты слышишь, что я говорю? Валерии давно пора съездить куда-нибудь, отдохнуть, отвлечься... Как это я раньше не подумала?

– Не заработала, – подал голос папа, и Юлька удивилась: папа никогда раньше не говорил с матерью таким жестким голосом. Много, однако, изменилось тут в ее отсутствие.

– А она заработала?! – Валерия, уже готовая выйти из комнаты, остановилась в дверях, трясась от ярости. – Интересно, каким это образом она заработала?! Знаем мы эти конкурсы! Мисс свиноферма! А председатель жюри – районный ветеринар! Ха! Ха! Ха!

– Та-а-ак, – зловеще начал папа, и мать тут же подхватила, кинулась к Валерии, что-то испуганно бормоча...

Юльке вдруг стало смешно.

– Вообще-то я не собиралась ехать, – доверительно сказала она. – Но теперь обязательно поеду. Интересно, на что нынче похоже приличное общество?.. – Юлька с некоторым злорадством отметила растерянность на лице Валерии и перешла на английский: – Па, трудно тебе с ними? Мне кажется, сестру пора лечить. Наверное, мои дети гораздо нормальнее... Ты ее бить не пробовал? Или еще лучше – отдай ее замуж за какого-нибудь гангстера... За какого-нибудь мафиозо из старинной итальянской семьи с патриархальным укладом.

– Никогда не видел глупого мафиозо, – по-английски же ответил отец, облегченно засмеявшись. – Я имею в виду: глупого настолько, чтобы жениться на противопехотной мине.

Мать и Валерия молча вышли из комнаты, хлопнув дверью, и отец с Юлькой переглянулись, понимающе улыбнувшись друг другу. Их старый прием – переход на английский, французский или немецкий язык – сработал, как всегда, безотказно. Ни мать, ни Валерия не знали иностранных языков, даже в объеме средней школы, хотя все время, пока папа работал за границей, с ним была вся семья. Правда, Юльке в этом отношении повезло больше, чем Валерии: она жила в Англии практически с самого рождения и к моменту рождения сестры уже всюю болтала по-английски и даже думала по-английски, а в шесть лет, когда пошла в школу, подружилась с дочерью французского дипломата и через пару месяцев заговорила по-французски. Когда отца перевели в Германию, Юлька была уже достаточно большая, чтобы не забыть языки, да и с друзьями из Англии и Франции все время переписывалась. А Валерии было всего пять лет, язык она знала плохо, да и то, что знала, скоро забыла, а немецкий учить почему-то вообще не захотела. Мать ее в этом поддерживала: мол, пусть те, кто хочет с нами общаться, говорят на нашем языке. У советских – собственная гордость. И все последующие годы и мать, и Валерия не могли простить отцу и Юлии того, что те... Впрочем, бог их знает, чего они не могли простить. Они всегда чего-нибудь кому-нибудь не могли простить.

– Так тебе хочется поехать? – недоверчиво спросил папа, когда они остались одни.

– Нет, – честно призналась Юлия. – Я отвыкла уже... Да и работы черт знает сколько. И маму Нину оставлять не хочется. Володина Светлана, правда, с ней этот месяц побудет. В субботу приедет, вместе с детьми. Да толку-то от них...

– А мама Нина что говорит? – Папа заранее заулыбался, представляя, что может говорить мама Нина.

– Она приказывает ехать. Ка-те-го-ри-чес-ки! – Юлия тоже заулыбалась, вспомнив, как мама Нина скручивала в жгут мокрое полотенце. – Хочет, чтобы я жениха какого-нибудь нашла. Представляешь? Вну-у-учиков от меня требует. Двух мальчиков и девочку. Или наоборот. Она на все согласна, она не капризная.

Отец вдруг перестал улыбаться, закинул голову и уставился в потолок.

– Ты что, па? – Юлия затревожилась, потому что знала: отец всегда смотрит в потолок, когда чего-то в ней не одобряет. – Ты что, думаешь – я правда женихов ловить буду? Мама Нина ведь пошутила, ты что – не понимаешь?

– Понимаю, – задумчиво сказал отец, с острым интересом разглядывая люстру. – Пошутила, ясное дело. Между прочим, я давно хотел тебе сказать: я в жизни не встречал женщин умнее мамы Нины. Впрочем, мужчин умнее мамы Нины я тоже не встречал. И, между прочим, на твоем месте я следовал бы абсолютно всем советам мамы Нины. Неукоснительно. И, между прочим, два мальчика и одна девочка – это, по-моему, оптимальный вариант. Но я не стал бы возражать, если бы получилось наоборот. Я тоже не капризный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.